

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**УЛЬТИМАТУМ
ГУРОВА**

20 ЛЕТ
ВМЕСТЕ
С ВАМИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Ультиматум Гурова (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Леонов Н. И.

Ультиматум Гурова (сборник) / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2013 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-65063-7

Генерал Орлов просит полковника Гурова разобраться с проблемами предпринимателя Виктора Коньшева. В последнее время с его бизнесом стало происходить что-то странное: срываются сделки, которые Коньшев считал крепкими и надежными, клиенты без объяснения причин наотрез отказываются от сотрудничества, а из офиса периодически пропадают крупные суммы денег. Гуров неохотно приступает к расследованию: он считает, что с Коньшевым воюют конкуренты, и играть роль «разводящего» в разборках коммерсантов ему не хочется. Но вскоре его отношение к делу меняется. Убивают заместителя Коньшева, а потом и его родственницу. «Бизнес-игра» конкурентов выходит за рамки дозволенного, и Гуров решает ее остановить...

ISBN 978-5-699-65063-7

© Леонов Н. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Ультиматум Гурова	5
Пролог	5
Глава первая	15
Глава вторая	26
Глава третья	38
Глава четвертая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Леонов, Алексей Макеев

Ультиматум Гурова (сборник)

Ультиматум Гурова

Пролог

Пробуждение было тяжелым. Слабый луч солнца, стукнув в окно, ударил прямо в глаза. Невольно зажмурившись, Зажигалка натянула одеяло, накрывшись им с головой, и отвернулась к стене. Голова тотчас отозвалась полыхнувшей, как пламя, острой болью. Простонав, она съежилась и замерла в надежде, что боль утихнет. Однако через несколько секунд ощутила, что организм ее неистово требует воды, и это желание буквально затмевало все остальные.

Преодолевая боль и обхватив голову руками, Зажигалка сползла с кровати и поплелась на кухню, постанывая на ходу. Открыла холодильник, дрожащей рукой взяла начатую коробку сока и принялась жадно пить прямо из нее. Прохладные сладковатые капли текли на подбородок, и она слизывала их языком. Тут же, не отправляя сок обратно в холодильник, левой рукой потянулась к аптечке. Разглядела мутным взором лежащее сверху лекарство от головной боли, проткнула упаковку длинными ногтями, выковыряла сразу две капсулы и бросила их в рот, запив соком. Потом без сил опустилась на стул, продолжая обхватывать голову руками и постанывать.

«Блин, не нужно было вчера мешать водку с пивом, – промелькнула у нее запоздалая мысль. – И вообще, сколько же мы выпили?»

Но вспомнить такие подробности ее измученному похмельным синдромом мозгу было не под силу. Да и не решало это уже ничего: спиртное было выпито накануне в ночном клубе «Эдельвейс», там было весело и прикольно, и ничто не предвещало того, что наутро начнутся такие мучения. Когда ты пьян, всегда кажется, что никаких последствий это не повлечет, а, наоборот, будет всегда так же весело и клево.

«Все, завязываю пить! – мрачно подумала она. – Теперь весь день испорчен!»

Коробка с соком опустела, и Зажигалка снова сунулась в холодильник за новой. Углядела внизу банку джин-тоника, оставленную с прошлого раза, и достала ее. Размышления «надо – не надо» длились недолго: через несколько секунд она надавила на металлический язычок, банка отозвалась коротким шипением, и Зажигалка припала губами к образовавшемуся полукруглому отверстию, с наслаждением ощутив, как холодный джин-тоник, проникая в организм, наполняет его теплом...

«Черт, так и алкоголичкой стать недолго!» – мысленно усмехнулась она, вновь опускаясь на стул.

Однако ей намного полегчало. То ли таблетки сыграли свою роль, то ли джин-тоник, но, так или иначе, через десять минут, выпив две трети банки, она почувствовала себя настолько хорошо, что решила заварить кофе и даже закурила. Пуская колечки дыма, задумалась. Так, проблема похмелья, кажется, худо-бедно, решена. Если что, в холодильнике есть еще одна спасительная банка джин-тоника, да и у отца в баре найдутся какие-нибудь запасы. Сейчас попить кофе, глотнуть рюмочку коньячку – и жизнь снова станет прекрасной. А потом желательнее и победать. Но это позже. Сейчас Зажигалке о еде даже думать было противно.

А вечером снова завалиться в клуб, где будут друзья, музыка, танцы, спиртное... Только сегодня с этим нужно быть аккуратнее. И вообще впредь рассчитывать свои силы, не увлекаться. И тогда все будет здорово!

Чайник закипел и отключился. Зажигалка насыпала в чашку две ложки растворимого кофе и залила его кипятком. Тупо помешивая ложечкой сахар, сидела, собирая мысли в кучку. На часах половина первого. Хорошо, что она одна. Отца в середине дня дома никогда не бывает – пропадает у себя на работе, – и это очень удобно. Зажигалка частенько возвращалась домой под утро и не всегда трезвой после ночных клубов и баров, да и просто посиделок у приятелей. Но отец в это время уже спал и, соответственно, не видел, в каком она состоянии. А утром, когда он уходил на работу, она крепко спала, утомленная бурной ночью, и разве что слабый запах перегара, заглушенный предусмотрительно принятым перед сном «антиполицаем», мог выдать ее. Но всегда можно сказать, что выпила чуть-чуть у подружки на дне рождения, верно? Тем более отец не имел привычки вламываться в ее комнату, а до вечера она сто раз успеет привести себя в порядок. Да и уйти может раньше его возвращения с работы. Правда, сейчас сил идти куда-то не было, но впереди еще много часов...

И вообще, она уже вполне взрослая, самостоятельная девушка! Ей недавно исполнился двадцать один год, так что у нее есть законное право покупать алкоголь и сигареты. Да и после всего, что Зажигалка успела повидать в свои годы, говорить о том, что ей рано курить или пить, просто смешно.

Зажигалка пила кофе маленькими глотками и думала о Толике. Вчера опять не удалось увидеться – у него очередные проблемы со здоровьем... Если так пойдет дальше, все планы Зажигалки полетят к чертям. А этого нельзя допустить! Без этого вся ее и без того бестолковая жизнь лишается хоть какого-то смысла!

Она покосилась на лежавшую на столе трубку радиотелефона. Позвонить, что ли? Хотя вчера она звонила, но Толик сказал, что не хочет разговаривать. И что он вообще ничего не хочет и просит оставить его в покое. Ну это понятно – в его состоянии что он еще мог сказать? Зажигалка неоднократно слышала от него подобные высказывания, порой даже в куда более грубой форме, но прощала, делая скидку на его болезнь. А потом Толик непременно звонил и просил, даже умолял о помощи. И она неслась к нему, готовая на все, лишь бы ему было хорошо.

Вот что странно: Зажигалка, сама себе признававшаяся, что никогда и ни к кому не испытывала никакой привязанности, даже к родной матери, легко расстающаяся с кем угодно и способная прожить на свете без кого угодно, была зависима от Толика настолько, что забывала обо всем и обо всех. Почему именно он стал предметом ее любви, не поддавалось никакому объяснению. Любовь вообще странная штука. Странная, непонятная, непознаваемая...

Нет, она, конечно, любит отца. Но... Это же совсем другое! Разве можно сравнить ее отношение к отцу с тем, что она испытывала к Толику? Это вообще из разных сфер! Ради Толика она готова на все. Зажигалка невольно поймала себя на мысли – а готова ли она на все ради отца? И, сама себе ужасаясь, ответила, что нет, не готова. Более того, если бы потребовалось выбирать, выбор однозначно был бы не в пользу отца...

«Какая же я дрянь! – подумала она. – Неблагодарная, невнимательная, незаботливая. А отец так старается!»

Вот и сейчас его нет дома, хотя сегодня суббота. Он ездил в свою контору даже по выходным, стараясь изо всех сил, чтобы они с Зажигалкой ни в чем не нуждались. А она воспринимала это как должное, с легкостью принимала все жертвы отца и с той же легкостью тратила его деньги.

«Надо бы позвонить ему. Обязательно позвонить, просто спросить, как дела, и сказать, что у меня все хорошо. Я позвоню. Обязательно. Но... Позже».

Сначала Зажигалка решила позвонить Толику. Она уже потянулась к телефонной трубке, как вдруг та сама запищала, сигнализируя о входящем звонке. Это было странно: обычно ей все звонили на сотовый. И отцу тоже. Иногда, конечно, звонили и домой, но все в курсе, что

сейчас отец в офисе. Разве что матери срочно что-то понадобилось? Вот уж с кем Зажигалке совсем не хотелось общаться!

Все-таки взяв трубку, она увидела, что на табло высвечивается незнакомый номер, и нажала кнопку соединения.

– Привет, подруга! – слегка насмешливый хрипловатый баритончик показался ей знакомым. А уже в следующую секунду она совершенно точно поняла, кто это звонит. Поняла и похолодела... Звонок этого человека не шел ни в какое сравнение со звонком матери. Это было равносильно катастрофе, когда земля уходит из-под ног, уходит внезапно, без предупреждения, и ты никак не можешь этого предотвратить, даже если будешь сопротивляться изо всех сил.

– Чего молчишь, подруга? – с веселыми, но настойчивыми интонациями продолжал голос. – Или не узнала?

– Ворон... Ты, что ли? – неуверенно произнесла Зажигалка, хотя у нее не осталось и тени сомнений насчет личности звонящего.

– Узна-ала, – удовлетворенно протянул баритончик. – Это хорошо. Старых друзей нужно помнить. Тем более что нам с тобой вспомнить есть что, а, подруга?

Зажигалка молчала, и это, кажется, начало раздражать оппонента.

– Ну, чего воды в рот набрала? – грубовато спросил он. – У меня времени маловато, свои кровные трачу, между прочим!

– Да я просто... просто не ожидала тебя услышать, – невольно принялась оправдываться Зажигалка. – Ты так внезапно появился...

– Ну, вот теперь привыкай к тому, что я появился, – жестко проговорил собеседник. – И всегда помни, что я был, есть и буду, поняла?

– Поняла, – послушно ответила она.

– А теперь слушай сюда. По телефону мне с тобой базарить не с руки, так что давай-ка «стрелочку» с тобой забьем.

– К-когда? – встrepенулась Зажигалка.

– Сегодня. В нашем кафе. Часикам к пяти подгребай, я тоже подтянусь.

– Сегодня? – вырвалось у нее невольно.

– А чего тянуть-то? Или ты не хочешь старого друга увидеть, выпить за встречу? Разлука-то до-олгая у нас была! Не без твоей помощи, между прочим! Вот об этом я и побазарить с тобой хочу.

– Но... Но ведь нашего кафе уже нет! – обрадовавшись, будто этот факт являлся спасением от грозившей встречи, сообщила Зажигалка.

– Как нет?

– Там давно уже парикмахерскую открыли! Уже года четыре как...

– Четыре года, говоришь? – хмыкнул собеседник и выразительно повторил: – Четыре года... Долгих четыре года!

Зажигалка молчала. Человек этот завораживал ее своим голосом, вводил в ступор. Она боялась его. Боялась всегда, и четыре года назад, и сейчас. Даже неизвестно, когда больше...

– Ну в таком случае давай в «Междусобойчике». Его-то не закрыли?

– Нет, – машинально ответила она.

– Вот и славно. Значит, договорились. В шесть. До встречи, подруга! Жду с нетерпением!

Трубка щелкнула, послышались короткие гудки. Зажигалка ощутила, как у нее вспотела ладонь. Отбросив трубку, она заметалась по кухне. Сердце ее стучало, в голове с новой силой вспыхнула утихшая было боль, все тело дрожало, как при ознобе.

Пытаясь успокоиться и унять дрожь хотя бы в руках, Зажигалка встала посреди кухни и задумалась. Нужно срочно звонить, сообщить...

«Куда звонить? Кому? Отцу? – с горечью отозвался внутренний голос. – Или Толику?»

Разумеется, о том, чтобы позвонить отцу и рассказать о возникшей проблеме, и речи быть не могло. Поразмыслив, она все-таки набрала номер Толика, и, услышав такой родной и любимый голос, ощутила, как сердце ее снова затрепетало.

– Привет, дорогой! Как ты?

– Глупых вопросов не задавай. Что хотела?

– Да я только спросить... Слушай, тебе никто не звонил сегодня?

– Может, и звонили. Я не отвечал. Какая разница?

– Ворон объявился, – неожиданно для себя самой выговорила Зажигалка.

В трубке повисло молчание. Прошло несколько долгих томительных минут, пока он наконец спросил:

– Ну и как он?

– Ты что, не понимаешь? – неожиданно разозлилась Зажигалка. – Ворон объявился! Я понятия не имею, как он, потому что не видела его, но точно знаю, что он чего-то хочет от нас! И просто так не отстанет!

Трубка снова затихла, потом Толик с какой-то горькой усмешкой произнес:

– Блин, как же погано устроен мир! Все от тебя чего-то хотят... И всем наплевать на то, чего хочешь ты... А ты уже ничего не хочешь...

– Толик, миленький, я тебя прошу – ну соберись! Услышь, что я тебе говорю! Ворон назначил мне сегодня встречу на шесть часов! Мне обязательно нужно пойти, я не могу не пойти! – глотая слезы, проговорила она в трубку.

– Ну и?

– Я тебя умоляю – пойдем вместе! Так будет лучше, он почувствует, что нас двое, что мы вместе, понимаешь? Вдвоем будет проще с ним справиться! Вместе мы – сила!

Выговорив все это, Зажигалка затаила дыхание, напряженно вслушиваясь и ожидая столь важного для нее ответа, но по повисшему молчанию поняла, что идти придется одной...

– Я не смогу, – наконец сказал Толик. – Я по квартире с трудом хожу – какая из меня сила? Ты сама понимаешь, что несешь?

– Толик... Что же я ему скажу?

– Привет передавай, – послышалось в трубке, после чего связь прервалась.

Зажигалка не выдержала, из глаз ее брызнули слезы. Со злостью швырнув трубку так, что та пролетела через всю кухню и ударилась о стену, она опустила прямо на пол и заревела в голос. Такой одинокой и несчастной она не чувствовала себя давно...

Ревела Зажигалка минут десять, пока нос совершенно не перестал дышать. Тогда, опершись рукой о табуретку, она поднялась и направилась в ванную. Нос распух и покраснел, глаза превратились в узенькие щелочки.

Зажигалка повернула кран, склонилась над ванной и принялась пригоршнями брызгать в лицо воду. Холодные струи быстро освежили ее, немного привели в чувство. Она взяла с полочки увлажняющий крем и смазала им щеки, так как от холодной воды стянуло кожу. Потом вернулась в кухню, собрала все детали телефона – благо он не разбился – и положила его на стол. Из головы не шла предстоящая встреча с Вороном. С каким удовольствием она отказалась бы от нее, даже готова заплатить, лишь бы не видеть этого человека, не смотреть в его лицо и колючие глаза, не слышать его голоса... Пожалуй, никого на свете Зажигалка так не ненавидела, как Ворона. Хотя, вполне возможно, и он отвечал ей тем же. Что было у него в душе – узнать вряд ли возможно. Ворон очень умело прячет свои чувства. Если они у него вообще есть...

Да есть, конечно, есть! Зажигалка задумалась. Такие люди, как он, обычно циничные и бездушные, порой бывают сентиментальны. Может быть, попробовать сыграть на этом? Ну, рассказать о своих чувствах, о Толике, попытаться разжалобить... Напомнить о том, что Ворон

повторял сам – «друга в беде бросать западло». Сказать, что у них с Толиком сейчас реальная беда и не они Ворону, а он им мог бы помочь...

Надо хотя бы попытаться. Сейчас же, немедленно вспомнить Ворона получше – его характер, привычки, мысли, все, что успело стереться из памяти за эти годы. А потом выстроить умелую психологическую линию. Может быть, в этом случае и получится его развести. Поймать на его же принципах. Для такого человека, как Ворон, принципы и понятия очень важны. Его личные, разумеется, которые он чтит как кодекс собственной чести.

Да, именно так и нужно себя вести! Зажигалка аж подскочила от принятого решения – до того оно показалось ей простым и правильным. Так, только теперь не спешить, а мысленно выстроить схему разговора. Выбрать нужный тон и слова. Нужно потренироваться.

Она почти совсем успокоилась, подбадривая себя мыслью о том, что все будет хорошо. Настолько успокоилась, что смогла привести себя в порядок без спешки. Критически осмотрев себя в зеркале, с помощью тонального крема выровняла цвет лица, нанесла легкий макияж и даже уложила волосы. К четырем часам из отражения в зеркале на нее смотрела уже совсем другая девушка: припухлость исчезла, лицо приобрело трогательное выражение, как у наивного ребенка – Зажигалка специально колдовала над тем, чтобы образ вышел именно таким. Перед Вороном ни в коем случае нельзя показывать себя «мажоркой», успешной, сытой и стервозной. Именно так – наивность и трогательность. Доброта, отзывчивость и... И немного драматизма – для пушей жалости.

Оставшись очень довольной результатом, Зажигалка надела коротенькое, в меру, платье, накинула поверх плащик и вышла из дома с легким сердцем. Никакого личного транспорта или такси – в «Междусобойчик» нужно ехать на маршрутке, чтобы Ворон, если вдруг надумает следить, видел, что она не шикует и не утопает в роскоши, а ведет себя, как нормальная, по его понятиям, «своя» девчонка.

«Междусобойчик» располагался далековато от центра и был местом, скажем так, специфическим. Этаким своеобразный реликт, оставшийся от канувшей в Лету эпохи девяностых. В свое время там собирались бандитишки не самого высокого пошиба. Позднее, после того как бандитский мир пережил серьезный переворот и передел власти, эту кафешку облюбовали околोकриминальные личности. Не сказать, чтобы полное отребье, но, например, студенту или выпускнику МГУ, банкиру или продвинутому журналисту там было делать нечего. Весь антураж кафе был создан для людей иной социальной направленности. Соответствующий музыкальный репертуар, состоящий преимущественно из тюремного шансона, непонятные, мутные завсегдатаи, девушки явно не тяжелого поведения – таким был «Междусобойчик» к началу десятых годов.

Зажигалка не любила это кафе и практически никогда не появлялась в нем, но перечить Ворону не посмела. Выйдя из маршрутки и украдкой оглядевшись по сторонам, она не заметила никого, похожего на Ворона. Это, конечно, ничего еще не означало, но почему-то на душе стало еще светлее – надежда на благополучный исход их встречи укрепилась.

Она прошла к тяжелой массивной двери, стилизованной под дуб, потянула ее на себя и, оказавшись внутри, невольно поморщилась: запах алкоголя и сигаретного дыма буквально пропитал небольшое помещение.

Стараясь держать себя в руках, Зажигалка осмотрелась, выбрала свободный столик и торопливо зашагала к нему, стараясь не смотреть по сторонам. Дорогу преградила чья-то рука. Она невольно остановилась и подняла глаза. На нее смотрело лицо не первой свежести, с проступившей щетиной на серых щеках и сальным взглядом.

– Куда спешишь, пташечка, тормозни чуть-чуть, – хрипло проговорил мужик, улыбаясь неприятной улыбкой и обнажая золотые коронки.

– Извините, я тороплюсь, – сквозь зубы процедила Зажигалка.

– Не торопись, присядь за столик, поболтаем.

– Я не могу, очень спешу, меня ждут.

– Да подождут, – ухмыльнулся мужик, протягивая руку и хватая ее за локоть.

Она мгновенно преобразилась. Резко увернувшись, с ненавистью посмотрела мужику в лицо и произнесла:

– Слышь, ты! Не твое – не трогай! Грабли свои убери! А то здесь сейчас мусор убрать придется!

– Ах ты... – брызгая слюной, начал сыпать ответными угрозами мужик и, приподнявшись со стула, стал надвигаться на Зажигалку.

Та отпрыгнула в сторону и поставила подножку. Мужик, уже изрядно захмелевший, рисковал рухнуть прямо возле столика, как вдруг чья-то рука схватила его за шиворот и поставила на ноги, а следом раздался голос:

– Спокойно, Баклан! Это моя чувиха.

– Слышь, ты своей чувихе язык-то укороти! – подал голос мужик. – А то придется другим этим заняться!

– Спокойно! Ты не прав. Тебе же сказали, не твое – не трогай!

– Я ж не знал! – огрызнулся Баклан.

– Ну вот теперь будешь знать! Пойдем, подруга!

В полумраке кафе блеснула белозубая улыбка, и Зажигалка узнала Ворона. Он, конечно, здорово изменился – стал шире, но при этом как будто ниже ростом, видимо, из-за того, что в осанке появилась сутулость, черты лица загубели, кожа обветрилась, он словно постарел лет на десять-пятнадцать, хотя с момента их последней встречи прошло чуть больше четырех. Тогда Ворон, высокий и стройный, был совсем молодым. Сейчас же на Зажигалку смотрел зрелый мужик с серьезным жизненным опытом за плечами. Но вот взгляд этих глаз – колючий, жестокий – не изменился, разве что жесткость еще усугубилась.

Он смотрел прямо ей в глаза и улыбался. Но Зажигалке было совсем не весело. Все заготовленные слова и фразы, весь тщательно продуманный ею сценарий рушился под этим безжалостным взглядом. Она почувствовала, что ничего не может поделать со своим страхом перед этим человеком – он был сильнее, и ей, наверное, никогда не удастся его победить.

– Чего застыла, подруга? – усмехнулся Ворон. – Обними хоть в честь долгожданной встречи!

Зажигалка коснулась ладонью плеча Ворона.

– Можно и поцеловаться. За встречу-то, – насмешливо добавил он.

– Не стоит.

– А что так? Западло?

– Просто мы с тобой никогда при встречах не целовались, – напомнила Зажигалка.

– Ну так у нас и разлук таких долгих не было, – возразил Ворон и, мгновенно переменив тон, продолжил: – Ладно, я с тобой сюда не целоваться пришел. Давай-ка за столик пройдем, там и побазарим.

Зажигалка шла между столиками и ловила бросаемые на нее украдкой взгляды мужчин, в которых сквозил интерес, смешанный с уважением. И уважение это возникло благодаря тому, что рядом с ней Ворон. Тот, видимо, за короткий срок успел поставить себя здесь как «правильный пацан, живущий по понятиям» и заслужить авторитет.

«Ну разумеется! – горько усмехнулась про себя Зажигалка. – Где еще он может пользоваться авторитетом, как не в этой рыгаловке!»

Тем не менее, она покорно шла за Вороном, шедшим походкой если не короля, то, по крайней мере, козырного валета. Он галантно отодвинул стул перед столиком, небрежно махнул рукой, показывая, что он уже накрыт. Зажигалка присела на краешек стула и посмотрела на блюда. Бутерброды с икрой обоих видов, соленая семга, здесь же селедка, соленые огурцы – закуска являла собой некое подобие сборной солянки. Стояло и горячее в виде жареной кар-

тошки с куском свинины. Большой графин водки, в другом графине – что-то похожее на компот или морс.

Ворон, составлявший заказ явно самостоятельно, пытался совместить две цели: продемонстрировать свои возможности и соблюсти собственные вкусы. Взгляд его явно говорил о том, как он доволен собой и уверен, что произвел на Зажигалку должное впечатление.

– Угощайся, подруга! – небрежно бросил он, наполняя две рюмки водкой. – Давай за встречу!

Зажигалке не хотелось ни есть ни пить. Кусок не лез в горло. Однако подумав, что водка, возможно, придаст ей смелости, опрокинула ее, даже не почувствовав, как обожгло горло, и закусила куском селедки.

– Не скромничай, не скромничай! – подбодрил ее Ворон, подвигая блюдо с икорными бутербродами. – Перед серьезным разговором надо хорошо подкрепиться!

И опять у Зажигалки сердце ухнуло в пятки, она чувствовала, что теряет все заготовленные фразы и ведет себя совершенно не так, как собиралась. Сейчас она ощущала себя какой-то безмозглой куклой, марионеткой, которую заставляет двигаться и говорить кто-то другой.

Ворон выпил еще две рюмки подряд и налег на картошку с мясом. После выпитого голос его слегка размяк, однако Зажигалка уловила, что взгляд остался прежним, не сулящим ей ничего хорошего. Все приветствия и комплименты Ворона были явно фальшивыми, и он не пытался этого скрыть. Его вдруг потянуло на разговоры, и он начал:

– А ты хорошо выглядишь, подруга! Даже лучше, чем в юности. Одежда, причесочка – все на высшем уровне. И зажигаешь так же, поди? Недаром тебя Зажигалкой прозвали в свое время! Папашка денжат подкидывает? Или еще кто?

Она не ответила, отделавшись неопределенным кивком.

– Эх, мне бы такого папашку! – завистливо покачал головой Ворон. – Как он там, кстати, поживает? Совесть не мучает его?

– Это за что, интересно, его совесть должна мучить? – возмутилась Зажигалка.

– А то ты не знаешь! И ты знаешь, и он! Вот я и хотел насчет остатков совести с вами потолковать. Есть еще один человечек, к которому у меня тоже базарец имеется, но с ним чуть позднее.

Зажигалка похолодела. Она понимала, что Ворон сейчас говорит о Толике. Значит, он еще не связывался с ним, значит, ничего не знает... И лучше не говорить! Лучше вообще о нем не заикаться! Ворон явно не в курсе, что он... что они... Одним словом, о чувствах Зажигалки ему неизвестно. Тогда, четыре года назад, между ней и Толиком не было отношений, они все были на равных. А уж о планах Зажигалки насчет Толика Ворон и вовсе не догадывается.

– Ты, кстати, не знаешь, где он, как? – продолжал Ворон.

– Кто? – механически спросила Зажигалка, отлично понимая, о ком речь.

– Да Толян Емельяненко. Звоню ему по старому адресу – говорят, не живут такие. Сотовый тоже сменился. Давно его видела?

– Давно, – соврала она. – Я с ним не общаюсь.

– Тоже, собака, забывает старых друзей, – с грустью констатировал Ворон. – Ну а здоровье-то папашки как? Сердце не пошаливает? Все-таки возраст, всякое может быть...

– Слушай, Ворон, давай начистоту, – не выдержала Зажигалка. – Что тебе от меня надо?

– Люблю конкретных людей! – засмеялся он. – А желания мои просты и чисты, как первый снег. Хочу я, подруга, справедливости. Я за тебя пострадал? Пострадал! Вот и компенсируй мне, пожалуйста, моральный ущерб.

– Каким образом?

– Ну, если ты мне свое нежное девичье тело станешь предлагать, я, конечно, не откажусь. Только это слишком ничтожная компенсация. Посуди сама: не было меня в родной столице

четыре года. Жить мне на что-то нужно, пока занятие себе не подберу, так ведь? И вот тут как раз твой папашка может помочь! Я слышал, он теперь крупную фирму возглавляет?

– Но папа не может взять тебя на работу! Ты же не специалист!

Теперь Ворон хохотал уже в полный голос – так, что даже с соседних столиков на них стали оборачиваться.

– Да ты, подруга, либо шутница, либо совсем с головой не дружишь! – отсмеявшись, проговорил он, качая головой. – На фига мне работа у твоего папашки сдалась? Он мне жизнь поломал, а я на него горбатиться теперь должен? Может, спасибо еще ему сказать?

– А что ты хочешь-то? – чуть не закричала Зажигалка.

– Бабла! – откинулся на спинку стула Ворон. – Я ж говорю – жить мне на что-то нужно!

– Ну, ты вроде бы не бедствуешь, – неожиданно осмелев, со злостью проговорила Зажигалка, кивнув на накрытый стол.

– Не считай чужие деньги, подруга, нехорошо это! – укоризненно поднял палец Ворон. – Это святые «бабки», это мне друзья подкинули на приподъем. Только мало их. А мне нужно столько, чтобы хватало на нормальную жизнь. Ты же нормально живешь? А я чем хуже? Тоже достоин, тем более что ты мне обязана, подруга! Жизнь свою нынешней обеспеченной обязана! Вот я и прошу благодарности. Справедливо это, а? Как сама думаешь?

Ворон, прищурившись, пылливо смотрел на Зажигалку. Она молчала. Знала только, что отец никаких денег Ворону не даст. Что придет в бешенство, если вообще узнает о его претензиях. К тому же, он был не до конца в курсе, как и что произошло на самом деле – Зажигалка в свое время скрыла от него кое-какие подробности. А Ворон-то уж непременно выложит их ему. Но главное – Толик! Ворон станет искать его, тоже будет требовать денег! А если Зажигалка все-таки найдет их и заплатит, это означает забыть о всех планах, связанных с Толиком, и просто погубить его. А значит, и себя тоже.

Ворон продолжал выразительно смотреть на нее.

– И сколько... Сколько ты хочешь? – проглотив слюну, спросила она.

Ворон назвал сумму.

– Да ты что, с ума сошел? – не сдержавшись, воскликнула Зажигалка. – Где я тебе столько возьму? Я не работаю, у отца тоже нет!

– Не прибедайся, подруга, не прибедайся! – погрозил он пальцем. – В свое время папашка твой нашел ради тебя деньги. Найдет и на этот раз. А если нет... Может так повернуться, что папашке твоему не для кого будет наследство оставлять!

Зажигалка почувствовала слабость в ногах. Ворон сейчас реально угрожал, угрожал ее жизни. И думать о том, что это шутка, просто глупо. Он вообще никогда не был склонен к шуткам.

– Короче, сроку тебе даю неделю, – перешел Ворон к конкретике. – Папашку своего подготовь заранее. А впрочем, мне все равно, как ты с ним будешь объясняться и будешь ли вообще. Можешь лапши ему навешать – вы, бабы, хорошо это умеете. Словом, хочешь жить – умей вертеться, помнишь, поговорка такая была в свое время? Вот и ладненько. А я тебе звякну, подруга. И еще... – Он вдруг приблизился вплотную к Зажигалке, двумя пальцами больно сжал ее подбородок и приподнял: – Вздумаешь кинуть меня – хуже будет. Я тебя не в землю закопаю, а так сделаю, что ты сама будешь рада сдохнуть поскорее! Личико так попорчу, что из дому выйти не сможешь! А то и не на чем будет. Так что думай и действуй! Пока, подруга!

Ворон встал, достал из кармана несколько купюр, бросил на стол и двинулся к выходу. Зажигалка еще несколько минут после его ухода не могла подняться, впад в какой-то ступор, и только чье-то покашливание над ее ухом подтолкнуло ее. Она подскочила со стула и, чуть ли не опрометью бросившись к входной двери, выскочила на улицу.

Где-то через полчаса, устав и запыхавшись, Зажигалка остановилась. Необходимо было взять себя в руки и все обдумать. Дойдя до ближайшего сквера, достала сигареты и закурила. Затяжки были нервными и длинными. Осмотревшись, она поняла, что находится довольно далеко от дома, добираться теперь придется с пересадками, а до ближайшей станции метро еще и топтать пешком. Но не это главное. Ворон – вот что не шло у нее из головы. О том, чтобы соглашаться на его условия, не могло быть и речи. И о том, чтобы не соглашаться, – тоже. Тупик.

Однако Зажигалка была так устроена, что долго думать и переживать не могла, предпочитая действовать. Пускай тыкается наобум, но что-то делать.

У отца, конечно, имелась нужная сумма. Может быть, все-таки попросить? Сказать, что это для Антона – отец же неоднократно выручал его? Вздыхал, читал нотации, но все-таки давал деньги, сокрушенно повторяя про себя «что ж поделаешь, родная кровь, сирота...».

Антон, племянник отца и двоюродный брат Зажигалки – Кузен, как иронично именовала его она сама, был парнем веселым, но бесшабашным. Оставшись без матери в юном возрасте, быстро промотал оставшиеся после нее средства и пустился в путешествие по белу свету с целью накопить денег. Однако все его попытки сводились чаще всего к аферам, в которых он быстро прогорал и опять оставался на бобах. Чаще всего в таких случаях он обращался к сестричке-Зажигалке, которая любила непутевого братца. Да и отец, что там греха таить, благоволил к нему.

Но сейчас такое вранье не прокатит. Отец же знает, что Антон теперь живет в Сургуте, взялся за ум и уже несколько лет возглавляет отдел в крупной нефтяной компании. Отец тогда дал ему денег на первое время, узнав, что племянник, наконец, в люди стал выбиваться. А теперь он не прежний шалопай, а уважаемый человек, деньги есть. На что просить?

Да и не поможет это! Зажигалка знала, что так просто от Ворона не отделаешься: получив деньги раз, он поймет, что нашел хорошую кормушку, и станет требовать их постоянно, все больше и больше. И чтобы выбраться из кабалы, есть только один путь – избавиться от него навсегда... Но как? Неужели же... Нет, об этом лучше даже не думать, лучше поискать другие пути!

Медленно шагая к метро, Зажигалка мучительно выбирала из двух вариантов. Потом, прокрутив в голове все возможные последствия, все-таки достала сотовый телефон.

– Привет, чем занимаешься?

– Да вот, марафет навожу, – кокетливо хихикнули в трубке. – Профессиональный макияж делаю.

– Ты что, совсем? – проворчала Зажигалка. – Кончай ерундой страдать, дело важное есть.

В течение следующих секунд она пересказывала свою беседу с Вороном и обрисовывала возникшую проблему.

– Ты просто не знаешь его, это страшный человек! Мне нужна помощь, хоть чья-нибудь! От Толика пользы нет, он... Болеет, короче. Я не хотела тебе звонить еще и по этому вопросу, но больше некому.

– Ну, у меня есть одна идейка, – поведала трубка. – Ради нее, собственно говоря, и прихорашиваюсь.

– Это... Это касается отца? – медленно протянула Зажигалка.

– Да. Но не волнуйся! Если все сделать как следует, обдуманно, то все проблемы будут решены. Но по телефону не буду говорить. Завтра ближе к обеду перезвони мне. Увидимся, и я поделюсь с тобой планами. Все, дорогая, целую! М-м-м!

Послышался звонкий чмок, и трубка отключилась. Зажигалка вздохнула. Ей не слишком нравилась возникшая идея – она догадывалась, о чем речь. Но не это ее волновало сейчас больше всего, а то, что срока Ворон ей отпустил всего неделю. Через каких-то семь дней ей

вновь предстояла встреча с этим человеком. Человеком, которого она не хотела бы видеть вообще никогда в жизни...

Глава первая

День близился к концу – как рабочий, так и световой. Унылый, тусклый день поздней осени рано завершал свой путь, превращаясь в вечер уже после четырех часов. Конец ноября вообще отличается хронической нехваткой солнечного света, а она, в свою очередь, негативно отражается и на работоспособности, и на настроении в целом. Полковник Гуров очень четко это ощущал, особенно в последнюю неделю, когда световые дни становились особенно короткими, а рабочие, наоборот, увеличивались, затягивались за счет большого количества дел, причем, что самое обидное, – нудных и рутинных, из числа тех, которые полковник терпеть не мог. Навалилась куча писанины, год неуклонно подходил к своему логическому завершению, и нужно было привести в порядок все материалы и документы. То есть писать, писать и писать... Данная работа не требовала особой умственной напряженности, зато отнимала кучу времени и раздражала полковника своим однообразием и бессмысленностью, поскольку, чего уж греха таить, некоторые так называемые документы Гуров считал откровенно бестолковыми и никому не нужными. Он привык работать если уж не головой, то хотя бы ногами и руками, причем не с помощью шариковой ручки, а оружия. А вообще в своей профессии сыщика полковник предпочитал думать. Думать, размышлять, анализировать, строить версии и разрабатывать их, выстраивать логические цепочки, приводящие к разоблачению преступников и разрушению их злодейских замыслов. И сейчас, методично перепечатывая страницу за страницей, Гуров как никогда ощущал, что занимается не своим делом.

Еще больше от этого занятия страдал его лучший друг и сослуживец, тоже полковник и опер по особо важным делам Станислав Крячко. Вот уж кого эта работа просто выворачивала наизнанку и лишала всяческой радости жизни. Уж кто-кто, а Станислав Крячко был явно не создан для писательской деятельности. И если в другие, менее напряженные периоды он мог еще увильнуть от этой работенки, то сейчас это было совершенно невозможно: их шеф и также многолетний друг генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов строго-настроено поручил сыщикам подбить все материалы к сдаче, а многие из них касались дел, лично раскрытых Гуровым и Крячко, посему свалить это на кого-нибудь из младших чинов было нельзя. Вот и приходилось Станиславу Крячко, вздыхая, чертыхаясь, а иногда и откровенно матерясь, ерошить свою и без того вечно лохматую, хотя и изрядно поредевшую шевелюру пятерней и продолжать оформлять отчеты, объяснительные и прочие бюрократические бумаги.

Гуров, ненавидевший бюрократизм не меньше Станислава, вел себя гораздо спокойнее, принимая данное занятие как неизбежное зло, издержки, которого имеются в любой профессии. Потому он молча и сосредоточенно стучал по клавиатуре компьютера, в то время как Станислав все больше ерзал на стуле, периодически раздраженно комкая очередной испорченный листок и бросая его в мусорную корзину.

За окном, тем временем, совсем стемнело. Станислав поднял голову и с надеждой посмотрел на часы. Гуров головы не поднимал – часы были перед ним, высвечиваясь на экране монитора. Он видел, что рабочий день его уже закончился, однако хотел все-таки доделать намеченный на сегодня план. Оставалось немного, где-то на полчаса работы, и полковник не собирался откладывать это на завтра. Он вообще мечтал поскорее расквитаться с писаниной и приступить к чему-то более привычному и полезному.

Крячко выразительно кашлянул, явно намекая на то, что пора бы сворачивать всю бухгалтерию и отправляться домой, но Гуров проигнорировал его намек. Тогда он решительно поднялся со стула, сдвигая ворох своих бумаг в сторону, и заявил:

– Мне свехурочные не платят!

– Да иди ты уже! – махнул рукой Гуров. – Все равно только бумагу портишь!

– И уйду! – тотчас подхватил Станислав. – Я просто подумал, может, тебе самому надоело бумагу пачкать? Вместе бы по домам отправились.

– Ну, вместе нам только до ворот УВД, – заметил Гуров. – А дальше каждый по своим машинам.

– Ну как знаешь, – пожал плечами Станислав и, нахлобучив кепку, вышел из кабинета, оставив Гурова один на один с отчетами.

Лев не слишком расстроился после его ухода – одному работалось даже лучше, спокойнее: можно сосредоточиться и не отвлекаться на посторонний шум, который постоянно создавал Крячко своей возней.

Быстро перепечатав три коротких справки и подшив их к материалам дела, он собрался подбить последний на сегодня отчет и с чистой совестью отправиться домой, оставив на завтра лишь сущие мелочи, которые можно будет сделать за первую половину дня.

«Интересно, кроме меня, полковника и руководителя криминального отдела, и дежурного какой-нибудь дурак еще остался в управлении?» – с усмешкой подумал Гуров, потягиваясь на стуле и разминая затекшие мышцы.

Ответом ему послужил скрип открываемой двери, и в кабинет вошел сам генерал-лейтенант Орлов. Он посмотрел на Гурова с выражением облегчения в глазах, как будто был счастлив, что полковник задержался на рабочем месте, довольно хмыкнул, осторожно присел на стул напротив него и вкрадчиво спросил:

– Работаешь, Лева?

– Как видишь, – насмешливо отозвался Гуров.

Он уже понял, что Орлов зашел к нему не для того, чтобы интересоваться продвижением готовности документов, а по какому-то вроде бы рабочему, но в то же время и личному делу. Ибо легкая виноватость, сквозившая во взгляде и позе Орлова, выдавала его с головой.

– Ну и чем еще ты решил нагрузить меня под конец столь блестящего в профессиональном плане трудового дня?

– Почему сразу нагрузить? – развел руками Орлов.

– Ну потому что я ни за что не поверю, что ты пришел проявить любопытство, не устал ли твой лучший опер и не требуется ли ему помощь.

– Я, Лева, своими лучшими сыщиками всегда интересуюсь, – заметил Орлов. – И помощь всяческую всегда готов оказать. И уверен, что и они мне ее окажут в случае чего.

– И какая же помощь требуется тебе позарез именно сейчас? – Гуров отодвинул клавиатуру, понимая, что допечатать пресловутый отчет сегодня уже не получится – у Орлова явно было что-то поважнее, отказаться от чего ему вряд ли удастся.

Орлов вздохнул, повозился на стуле, потом склонился к Гурову и сказал вполголоса:

– Нужно помочь одному хорошему человеку...

– Тебе?

– Ну, разумеется, и мне, – слегка замявшись, кивнул Орлов. – Но под хорошим человеком я имел в виду другого. В общем, Лева, у меня к тебе просьба. Как личного, так и профессионального характера. Ты знаешь, как я тебе доверяю...

– И как я уважаю Остапа Ибрагимовича! – подхватил Гуров.

– Лева, – поморщился генерал, – ну не время сейчас для твоих шуток! Хотя они, как всегда, очень тонкие и в точку. Ты у нас профессионал не только по части сыска...

– Да ладно тебе расшаркиваться, говори уже, что нужно-то? Полагаю, речь не об очередной писульке, которую требуется состряпать?

– Нет. Дело в том, что ко мне обратился один человек. У него, понимаешь, проблемы... щепетильного характера. А ты, кроме писанины, все равно сейчас ничем не занят. Вот и выслушай, помоги, подскажи. От отчетности я тебя освобожу! – тут же добавил Орлов. – Знаю твою нелюбовь к этой работе.

– А почему меня? Освободи Крячко – он тебе ноги будет целовать!

– Дождешься от него! – проворчал генерал. – Нет, Станислав, при всем к нему уважении, в роли помощника по данному вопросу мне не кажется подходящей фигурой. Тут вникнуть требуется, не рубить с плеча. Я же говорю – проблемы щепетильного свойства!

– Неверные жены? Внебрачные дети? Нетрадиционная ориентация? – принялся перечислять Гуров, невольно нахмурившись, – он терпеть не мог проблем подобного рода, житейско-бытовых. Его интересовали сложные, лихо закрученные дела.

– Нет-нет! – тут же замахал руками Орлов, предупреждая возможный отказ своего любимца. – Совершенно ничего подобного!

– А то я уж подумал, что твой клиент – персона, как это сейчас принято выражаться, медийная и боится огласки какого-нибудь не слишком приятно пахнущего факта из своей бурной биографии.

– Ничего подобного! И человек не публичный, и никакими неприятными фактами из личной жизни тут не пахнет!

– Ну, так раскрой мне этого таинственного незнакомца, – усмехнулся Гуров. – Не томи душу!

Орлов слегка помолчал, потом негромко произнес:

– Это некто Конышев Виктор Станиславович. Вполне уважаемый человек, бизнесмен. У него риелторская контора, называется «Зодчество».

– И что же у него случилось?

– Да я сам толком не пойму, дело какое-то мутное... Не поймешь, откуда ветер дует.

– То есть темнит твой клиент, – сделал вывод полковник. – Не хочет откровенничать, а надеется на нас переложить все собственные проблемы.

– Да нет же, Лева! Он действительно сам не знает, чего от него хотят!

– Меня больше волнует, чего он хочет от нас? В частности, от меня?

– Для начала я прошу тебя его просто выслушать. Вы-слу-шать, Лева! – подчеркнул Орлов. – Ну а дальше уже ты сам сделаешь все надлежащие выводы.

– Ну допустим, – немного помолчав, сказал Гуров. – И когда он хочет побеседовать?

– Сейчас, Лева.

– Как – сейчас?

– Да очень просто. Он в кабинете у меня сидит. Ждет, так сказать, аудиенции.

– Что же он, более подходящего времени не мог выбрать? – возмутился Гуров. – На часы посмотри! Восьмой час! Я и так задержался. И ладно бы речь шла о действительно серьезном деле, а то непонятная какая-то ерунда!

– Лева, ну, пожалуйста, ради меня! Понимаешь, он меня выручал не раз. И даже не лично меня, а наш отдел. Помнишь, помещение нам нужно было под спортклуб для тренировок молодых оперов? Так вот это Конышев помог! И вообще...

– И вообще, он типа наш спонсор, – заключил Гуров. – То есть получается, что и мой вроде как тоже, хотя мне на этот клуб глубоко плевать.

Орлов не стал ничего комментировать, он лишь продолжал не мигая смотреть на Гурова.

– Ладно, – махнул рукой тот. – Зови сюда своего домушника!

– Эх ты его окрестил! – с притворной укоризной отозвался генерал, не в силах, однако, скрыть своего удовлетворения. – А ведь у этого слова совсем иное значение в криминальном мире...

– Про криминальные специальности я в курсе не хуже твоего, просто пошутил. Короче, зови, пока я не передумал. У Марии, на счастье, сегодня спектакль до десяти, так что полчаса я ему уделю. Но не больше.

– До десяти больше двух часов, – заметил Орлов, поднимаясь со стула.

– А ужинать мне, по-твоему, не нужно? Я, вообще-то, собирался домой за этим заехать, теперь придется в кафе. Издержки, между прочим, придется понести финансовые...

– Ладно, не ломайся, как капризная барышня! – Орлов перешел на строгий начальственный тон, потому что уже успокоился. Гуров дал согласие на беседу, и теперь можно не опасаться, что он откажется. И если даже выяснится, что дальнейшая помощь Виктору Коньшеву невозможна, совесть генерал-лейтенанта будет чиста, поскольку он всегда сможет сказать, что сделал все от него зависящее.

Орлов вышел из кабинета Гурова, оставив того один на один с папкой готовых документов и не слишком радужным настроением. День вообще прошел нудно, у Гурова под вечер даже начала побаливать голова, а перспектива непонятной беседы с неким риелтором не внушала оптимизма.

Он снова потянулся и поморщился, услышав, как противно хрустнули кости, подкинув в стол и так не слишком приятный момент напоминание о том, что ему, увы, уже не двадцать лет...

Послышался вежливый стук в дверь, и Гуров, приняв ровное положение, крикнул:

– Да, войдите!

На пороге показался невысокий человек в очках, достаточно интеллигентного вида. Лев не особо задумывался, как должен выглядеть типичный среднестатистический риелтор, но подсознательно ему рисовался образ этакого ловкого дельца-пронеры с хитрыми, цепкими глазами. Виктор Станиславович же скорее походил на какого-нибудь пресс-секретаря государственного деятеля.

– Добрый вечер, – довольно приятным тенором произнес вошедший. – Полковник Гуров? Лев Иванович?

– Он самый, – кивнул Гуров. – Проходите.

– Для начала позвольте вас поблагодарить за то, что согласились принять меня во внеурочный час. Я отлично понимаю, что значит задерживаться после работы ради совершенно незнакомого человека. Постараюсь сэкономить ваше время и перейду сразу к делу. Хотя это не так-то и просто, потому что я, честно говоря, в замешательстве. Я чувствую, что мне угрожают, точнее, пытаются мне навредить, может быть, убрать с дороги. Но вот что конкретно от меня хотят и кто – понять не могу. Ну вот, хотел говорить четко и конкретно, а получается, что только запутал вас, – виновато улыбнулся Коньшев.

– Давайте все-таки попробуем перейти к сути, – махнул рукой Гуров. – Итак, вам угрожают? Чем?

– Не то чтобы напрямую угрожают... – замялся Коньшев. – То есть никто мне ничего не говорил и не требовал...

– Звонки, письма с угрозами не поступали?

– В том-то и дело, что нет! В этом смысле все тихо. Но я интуитивно чувствую, что кто-то что-то имеет против меня!

– Ну, у любой интуиции есть вполне рациональная основа. Поверьте мне, законченному материалисту, – любое, так сказать, предчувствие на чем-то основывается. Так называемое шестое чувство вполне материально. Просто вы располагаете некими фактами, подсознательно их анализируете, и на основании этого у вас формируется вывод. Это не просто «я так чувствую, и все!», это вполне объяснимо и с точки зрения логики, и психики, и даже физики.

– Вы психолог? – с удивлением спросил Коньшев.

– Я оперативник, – чуть снисходительно ответил Гуров. – И сейчас пытаюсь помочь вам конкретизировать происходящее, докопаться до фактов. А они есть! Непременно есть. Вот давайте вы мне сейчас все-таки изложите свои предчувствия – пусть путано и не совсем четко, а я уж постараюсь вычленивать во всем этом рациональное зерно.

– Ну что ж, – сказал Конышев, – давайте попробуем. Только вы уж не судите строго, если я действительно буду путаться.

– Весь внимание, – кивнул Гуров, вытягивая под столом длинные ноги и откидываясь на спинку стула.

...Когда все это началось? Виктор Станиславович сам неоднократно задавал себе этот вопрос и всерьез забеспокоился. Когда? И с чего? Да, пожалуй, около месяца назад. И с пустякового, в общем-то, эпизода. Он застрял в пробке и приехал в свой офис с опозданием на целых полчаса. В этом не было бы ничего особо страшного – в конце концов, он хозяин конторы и отчитываться ни перед кем не обязан, – если бы не встреча, назначенная на точное время. И теперь получалось, что клиент ждет его уже пятнадцать минут. Не катастрофа, конечно, но все-таки неприятно.

Виктор Станиславович порадовался хотя бы тому, что на парковке оказалось свободное место, и поспешил его занять. Осторожно размещая свой «Лексус» на подходящее место, щелкая пультом сигнализации и направляясь к дверям конторы, Конышев уже мысленно готовил извинения перед клиентом. Открыв дверь приемной, он с удивлением обнаружил, что она пуста. Признаться, в груди у него даже радостно екнуло – наверное, клиент, владелец сети бильярдных, ищущий помещение для очередного своего детища, сам застрял, так что и извиняться теперь не придется.

– Люда, сделайте, пожалуйста, кофе, – попросил Виктор Станиславович секретаршу, пересекая приемную и подходя в дверям своего кабинета. – На двоих – ко мне сейчас должны подъехать.

– Таранов? – неожиданно спросила Людмила.

– Да, – удивленно, обернулся Конышев, уже взявшийся было за ручку двери. – А что такое?

– Так он уже уехал, Виктор Станиславович, – сообщила секретарша.

– То есть как – уехал? Вы что, не предупредили его, что я буду с минуты на минуту?

– Разумеется, я так и сказала, только он не мог ждать. Знаете, мне даже показалось... – с ноткой сомнения добавила секретарша, – что он вроде даже обрадовался вашему отсутствию.

– Да? – Брови директора конторы взлетели вверх. – Ну что за глупости! Это уже полет вашей фантазии. Хотя поведение его действительно выглядит странно. Ладно, я ему позвоню и все узнаю.

Виктор Станиславович вошел в свой кабинет и уселся в кожаное кресло. Оказавшись на привычном месте, он смог, наконец, отдышаться и привести в порядок мысли и нервы. С Тарановым, видимо, произошло какое-то недоразумение, которое непременно разрешится. Скорее всего, его просто вызвали куда-то срочным звонком.

Александр Юрьевич Таранов занимался бильярдным бизнесом не так давно. Он был профессиональным спортсменом, несколько лет назад завершившим свою пусть не блестящую, но все-таки достойную карьеру. Потом занимался тем, что тренировал ребят, но заработок этот вид деятельности приносил не слишком высокий, посему и пришлось Таранову податься в бизнесмены. Сначала открыл свой спортивный клуб и несколько лет вкладывал в него практически весь доход, потом решил потихоньку расширяться. Но не абы как, а с умом. Пораскинув мозгами, которые у него определенно имелись, Таранов сделал ставку на востребованность и высокую цену. Под эти параметры отлично подходил бильярд, которым он неожиданно для себя увлекся. Бильярдный клуб показался ему самым подходящим вариантом, и он не прогадал. Не прошло и трех лет, как бизнес Таранова стал приносить высокий доход и расширяться, а сам Александр Юрьевич стремительно зашагал вперед и вверх. Вот он уже преуспевающий хозяин целой сети бильярдных, объединенных названием «Золотой кий», в данный момент ищущий подходящее помещение для открытия еще одного клуба.

С этим вопросом он и обратился в контору Конышева, которого ему рекомендовал общий знакомый. И Виктор Станиславович нашел, можно сказать, идеальный вариант: и от центра недалеко, и место людное, и не слишком высокую цену назначил... Помещение, правда, не отремонтированное, потому и цену скинул, но ведь Таранову все равно нужно все внутри переоборудовать, стилизация под бильярдную требовала полной переделки того, что было внутри.

Дело казалось сделанным. Александр Юрьевич едва взглянул на помещение, как Конышев сразу понял – купит. Не просто возьмет в аренду, а именно приобретет в собственность. Ну это и к лучшему: в аренду сдавать, конечно, тоже выгодно, но когда помещение неотделанное и его согласны взять в таком виде, лучше его продавать, с ремонтом возиться некогда, да и зачастую накладно получается.

Одним словом, с Тарановым все складывалось как нельзя лучше. Оставались сущие пустяки – подписание документов у нотариуса и в регистрационной палате. Формальности, короче. И именно сегодня они с Тарановым должны были все это разрешить. Собственно, можно и перенести встречу на более позднее время – скажем, на послеобеденное.

Конышев потянулся к мобильному телефону, лежавшему на столе, и набрал номер Таранова. Александр Юрьевич почему-то долго не отвечал на звонок, хотя телефон его не был отключен, но потом все же ответил, правда, голос его звучал суховато и как-то ненатурально.

– Приветствую, Александр Юрьевич! – начал Конышев.

– Здравствуйте, – после паузы отозвался Таранов.

– Я приношу свои извинения, что задержался утром, – пробки, знаете ли, совсем докнали. Но мы могли бы перенести наши дела на любое другое время. Когда вам будет удобно?

Таранов замолчал, замешкался, в трубке на несколько секунд повисла тишина. Потом вдруг он скороговоркой произнес:

– Я не могу принять ваше предложение, Виктор Станиславович, извините.

– То есть? – не понял Конышев.

– Ну, я отказываюсь покупать это помещение, – буркнул Таранов.

– Осмелюсь полюбопытствовать – а почему? Оно же идеально вам подходит.

– У меня поменялись планы. Извините, Виктор Станиславович, мне сейчас неудобно разговаривать, всего доброго.

Связь прервалась. Конышев некоторое время сидел, не отрывая трубки от уха и ничего не понимая. Что значит – поменялись планы? Раздумал оборудовать еще одну бильярдную? Нашел дешевле? Да ну, не может быть! Все варианты других риелторских контор были Конышеву хорошо знакомы, и он точно знал, что там Таранову ничего лучше предложить не могут. Любой вариант будет хуже. Да он и не хотел гнаться за дешевизной, ему нужно было удобство. А предложение Конышева – самое удобное и выгодное.

Он встал из-за стола и прошелся по кабинету взад-вперед. Поведение Таранова казалось более чем странным и необъяснимым. Решив, что ломать голову над причинами, побудившими клиента отказаться от сделки, сейчас бессмысленно, Конышев подумал, что лучше всего будет на время оставить Таранова в покое. Пройдет время, и все разъяснится. А пока не мешало бы все же осторожно прощупать почву, разузнать по своим каналам, что там и как. Вдруг это просто какие-то личные причины, не имеющие к нему, Конышеву, никакого отношения?

Ладно, сейчас лучше сосредоточиться на других делах. В конце концов, даже если Таранов пойдет до конца и наотрез откажется подписывать документы, Конышев найдет, куда пристроить это помещение. С таким сотрудником, как Лев Абрамович, и не найти! Ха! Да у него с руками его оторвут!

Лев Абрамович Гольдман работал у Конышева пятый год, и, откровенно говоря, именно с его приходом положение Конышева на рынке стало укрепляться, а кривая доходов решительно поползла вверх. Гольдман обладал поистине врожденным чутьем, безошибочно определял не только объекты, которые легко можно будет продать, но и, что называется, чуял клиента. Он

умудрялся сбывать такие объекты, на которые другие риелторы не стали бы и время тратить, относя их к категории неликвида по причине полной убитости. А Лев Абрамович умело обрабатывал клиента, убеждал, что это именно то, что ему нужно, подсказывал, как правильно использовать то или иное помещение, чтобы оно пошло на пользу. И что самое удивительное, ему с блеском это удавалось. Еще ни разу на объект, сбитый Гольдманом, не поступало жалоб от разгневанных клиентов. Более того, они все оставались довольными и по истечении времени превращали приобретенные объекты именно в то, что им советовал ушлый Лев Абрамович. Словом, все были счастливы, Конышев получал стоимость помещения и благодарности клиентов, а Гольдман – свой процент от сделки, к слову сказать, немалый.

Вот и в деле Таранова Лев Абрамович сыграл немаловажную роль. Именно он подсказал Конышеву, что купленный три месяца назад нижний этаж бывшей фабрики по производству технического стекла, пока что являвшийся бесхозным, замечательно подойдет для Александра Юрьевича в качестве бильярдного клуба. Интересно, как воспримет Гольдман новость о том, что Таранов по непонятной причине вдруг отказался от сделки?

Не успел Конышев об этом подумать, как дверь отворилась и в кабинет бесшумно, своей плавной кошачьей походкой вошел сам Лев Абрамович. Кажется, у него было чутье не только на клиентов, но и на непосредственное руководство.

– Доброе, доброе утро, драгоценнейший Виктор Станиславович! – безбожно картавя, поприветствовал он Конышева.

– Проходите, Лев Абрамович, – стараясь скрыть свое настроение, проговорил тот. – Не могу, увы, разделить вашу радость, ибо утро для меня не слишком-то доброе. Впрочем, для вас тоже!

– Что такое? – Гольдман с театральным испугом нахмурил брови.

– Таранов отказывается покупать ваше помещение! – Конышев сделал акцент на слове «ваше», хотя это ничего не меняло: владельцем пресловутого объекта был именно он, Виктор Станиславович, и срыв сделки бил в первую очередь по его карману.

Лев Абрамович был изумлен таким развитием событий. Он потер вспотевший лоб, поморгал глазами и растерянно переспросил:

– То есть как?

Конышев раздраженно махнул рукой, не желая отвечать на показавшийся ему бестолковым вопрос.

– Но по какой причине? – продолжал допытываться Гольдман. – У них что, какие-то претензии? Как они объясняют свой отказ?

– Да никак не объясняют! Планы изменились, и все! Стандартная, ни к чему не обязывающая отмазка! Никаких претензий не предъявляют, просто не хотят покупать, и все! Но нам с вами от этого не легче, поскольку, сами понимаете, теперь это помещение нужно кому-то втюхивать!

Гольдман нервно забарабанил ладонью по бедру. Маленькие пронизательные глазки его при этом бегали из стороны в сторону, он явно что-то сосредоточенно обдумывал.

– Ну, есть парочка вариантов... Не слишком, правда, перспективные... Может быть, все-таки удастся переубедить Таранова?

– Может быть. Хотя я в этом не уверен. Со мной он отказался разговаривать, возможно, у вас что-то получится, учитывая ваши способности психологически воздействовать на людей. Вот вы, Лев Абрамович, и займитесь этим вопросом. Не сейчас, а спустя немного времени. Но сильно не затягивайте! – поднял палец Конышев. – Скажем, завтра-послезавтра.

– Понял, понял, – закивал Гольдман. – Постараемся сделать все, как говорится, в наилучшем виде. Можно, к примеру... – Он закатил глаза к потолку, уже обдумывая, чем и как завлечь Таранова, но Конышев перебил его:

– Обдумайте это позже. Сейчас есть ряд текущих моментов, которые нужно решить немедленно. На сегодня у нас намечены еще две сделки по квартирным вопросам, одна квартира на Большой Никитской, другая – на Строгановском проезде.

– Помню, помню, там все документы готовы – комар носу не подточит! – заявил Гольдман.

– Отлично, тогда поделите их с Красницким и действуйте. Он, кстати, на месте?

– Пока не было. Но он предупреждал, что может задержаться. Обе сделки намечены на два часа, так что, по его словам, раньше ему тут и делать нечего.

Коньшев досадливо поморщился. Алексей Владимирович Красницкий, его заместитель, отличался любовью к дорогой технике, аксессуарам и парфюмерии, всегда был стильно одет и гладко выбрит, безукоризненно вежлив и услужлив, особенно когда дело касалось дам. Отличный вкус и безупречные манеры делали его весьма приятным и в общении с клиентами: Алексей Владимирович всегда разговаривал на «вы», избегал панибратства и уж тем более не позволял себе хамского обращения. Женщинам – как сотрудницам, так и клиенткам – он всегда говорил комплименты, замечая в каждой индивидуальные достоинства. В дни рождения и Восьмого марта не скупился на цветы и шоколадки, частенько предлагал подвезти какую-нибудь милую коллегу до дома. За это его любили и ценили, хотя порой ухаживания Красницкого приобретали характер откровенного волокитства.

Но был момент, который в глазах руководства, то бишь Виктора Станиславовича Коньшева, напрочь убивал все достоинства Красницкого: к работе он относился с ленцой, не слишком утруждал себя поисками подходящих объектов и клиентов, частенько приезжал в контору к обеду и при этом никогда не задерживался дольше положенного по графику времени. Кроме того, он отличался некоторой рассеянностью, и в подготовленных им документах порой встречались погрешности. Зная об этом, Коньшев частенько поручал Гольдману перепроверить документацию Красницкого, дабы вовремя исправить допущенную им оплошность. Алексей Владимирович был холост, проживал один в небольшой, но шикарно отремонтированной квартирке недалеко от центра, которую приобрел на предыдущем месте работы, также в риелторской конторе, откуда ушел по причине не слишком высокой зарплаты.

С Гольдманом все было по-другому: тот свою работу знал и выполнял на «отлично», готов был носом землю рыть в поисках выгодных сделок, на клиентов не жалел ни личного времени, ни дара убеждения. Сделки, заключенные лично им, никогда не разваливались, а документы можно было даже не читать, не сомневаясь, что там все в порядке. Он не допускал огрехов в виде объявившихся, как снег на голову, неожиданных наследников или прописанных в проданной квартире детей или иных родственников. Клиенты его были психически здоровы и вменяемы, а если и выяснялось, что это не так, Лев Абрамович пресекал подобные сделки на самом начальном этапе.

Однако при всех этих весомых достоинствах и Гольдман не мог считаться идеальным сотрудником. Лев Абрамович грешил тем, что, зная о своих возможностях, порой позволял себе совершать сделки в обход конторы Коньшева. Разумеется, минуя при этом кассу и кладя весь доход себе в карман. Виктор Станиславович знал об этом, но не спешил увольнять Гольдмана – слишком ценен он был для него как сотрудник. Поначалу Коньшев еще пытался вызывать Льва Абрамовича и высказывать ему, что такое поведение, вообще-то, не приветствуется ни на одном рабочем месте. Лев Абрамович широко распахивал свои карие глаза с длинными загнутыми ресницами, картинно хлопал ими, прикладывая руки к груди и божился, что он честный человек и никогда не позволит себе никакой нечистоплотности по отношению к такому уважаемому человеку, как Виктор Станиславович.

Доказать факт левого дохода Гольдмана было непросто: клиенты, которым сделки в обход кассы тоже были выгодны, помалкивали. Конечно, при желании, приложив определенные усилия, Виктор Станиславович мог бы добиться своего и вывести Гольдмана на чистую воду,

однако не делал этого. Обдумав все в очередной раз, прикинув с разных сторон, он неизменно приходил к выводу, что, как ни крути, а прибыль от сделок Гольдмана он получает куда больше, чем убыток. Посему Виктору Станиславовичу оставалось лишь вздохнуть и снисходительно относиться к мелким грешкам своего наиболее ценного сотрудника. А Гольдман в этом смысле был ценнее Красницкого.

Кроме того, что немаловажно, Лев Абрамович весьма индифферентно относился к дамам. Нет, он, конечно, тоже умело сыпал комплиментами, если это требовалось в интересах сделки, но при этом никогда не волочился ни за сотрудницами, ни, упаси бог, за клиентками. Он давно овдовел, у него были две замужние дочери и внуки, жившие отдельно от него, но вот личная жизнь его, если таковая и имелась, была покрыта глубоким мраком. Лев Абрамович при всей своей словоохотливости был человеком скрытным, и если не хотел чего-то афишировать, вытянуть из него это было невозможно.

Помимо упомянутых Гольдмана и Красницкого, у Коньшева работала секретарь Людмила, главный бухгалтер Ирина Семеновна, парочка-тройка часто меняющихся мелких риелторов нижнего звена, а также приходящий юрист, которого вызывали по мере надобности его услуг. Словом, штат небольшой, каждый сотрудник находился на своем месте, и, несмотря на отдельные недостатки каждого из них, в глубине души Коньшев был уверен – он не хочет ничего менять. Для него, как человека, ценящего стабильность, даже текучка среди младшего состава была неприятным моментом. Он подумывал над тем, чтобы увеличить доход начинающих риелторов, но потом решил, что это не эффективно: как ни крути, а новичкам не обойти таких опытных работников, как Красницкий, и уж тем более таких мастодонтов, как Гольдман. А амбиции молодых никуда не денешь, они мечтают о перспективах, стараются использовать свой возраст по максимуму, чтобы достичь высокого социального статуса и желательно побыстрее. Вот и не задерживаются в компании Коньшева, где им в ближайшее время никак не светит занять высокое положение.

Вот с месяц назад опять ушла девушка, проявившая себя весьма толковой и активной, и на ее место пришлось брать новенькую. На первый взгляд вроде бы эта Надя и ничего, с работой справляется, клиентов находит, две сделки успешно заключила. А дальше – кто его знает... Если окажется, что бестолковая, то держать ее – себе в убыток, придется расставаться. Если же проявит себя успешной, сама уйдет через какое-то время. Словом, куда ни кинь – всюду клин. Пока что Коньшев не видел возможностей изменить положение, и приходилось мириться с ситуацией.

Виктор Станиславович поймал себя на мысли, что в последнее время ему много с чем приходится мириться, и это касается не только работы. Взять, к примеру, его личную жизнь. Точнее, то, что от нее осталось. Бывшая жена, с которой Коньшев развелся около восьми лет назад, причем по ее инициативе, продолжает испытывать его терпение. Тогда, почти девять лет назад, все получилось не слишком красиво, а сейчас и того хуже. Но сейчас вспоминать об этом не ко времени, и Виктор Станиславович вернулся к невеселому рассказу о событиях, происходивших в его офисе в последние недели.

После случая с Тарановым – сделка с ним, кстати, так и не состоялась, несмотря на все уловки Гольдмана, – произошло еще несколько «обломов». Один касался продажи жилой квартиры, второй – помещения под рок-клуб. Похожая ситуация – клиенты, осмотрев помещения и оставшись довольными, вдруг в самый последний момент перед совершением сделки отказались от покупки, сказав, что нашли другой вариант...

Нет, всякое, конечно, бывало за время работы. И сделки срывались, и клиенты уходили из-под носа... Но чтобы три случая подряд? Такого не было. И интуиция подсказывала Виктору Станиславовичу, что тут дело нечисто. Кто-то явно копает именно под него.

Но если риелтором он был неплохим, то навыками сыщика не обладал совсем. И вообще, привык считать, что каждый должен заниматься своим делом. То есть ему нужен был профес-

сионал. И, перебрав в голове всех своих знакомых, Конышев остановил выбор на генерал-лейтенанте Орлове. Он, конечно, понимал, что сам Орлов вряд ли станет заниматься его проблемами, но, имея в подчинении целое управление оперов и следователей, разумеется, сможет найти подходящего человека. Таким человеком оказался Лев Иванович Гуров...

...Гуров сидел, молча склонив голову с начинающими сесть висками, Конышев выжидающе смотрел на него.

– Ну и что вы от меня хотите? – спросил полковник.

– Как что? – растерялся директор конторы. – Разобраться в этом вопросе!

– Боюсь, что я ничем не смогу вам помочь, – скептически покачал головой Лев. – Не мой курятник. То есть все эти внутривидовые «непонятки» – не по моей части. Я даже не представляю, что реально могу сделать для вас. Скорее всего, это кто-то из ваших конкурентов перебивает у вас клиентов, вот и все. Если тут вообще есть чье-то вмешательство.

– Но вы можете завести дело? – не отставал Конышев.

– Конечно, нет! – пожал плечами Гуров. – На каком основании? Никакого состава преступления пока не видно. Вы же не можете с уверенностью утверждать, что кто-то намеренно строит против вас козни! Кроме того, вы не можете никого конкретно назвать, кто мог бы стоять за этим. Вам угрожали? Нет. Что мы имеем в действительности? Мы имеем ряд сорванных сделок, от совершения которых отказались ваши клиенты. Вот и все. А они имеют полное право не соглашаться приобретать ваши помещения. Вы, что же, хотите, чтобы я предъявил претензии этому самому Таранову и остальным? Это просто смешно!

– Разумеется, вы правы! – кивнул Конышев. – Я, собственно, предполагал, что вы так и отреагируете...

– А как я еще могу отреагировать? – удивился Гуров. – Могу лишь посоветовать вам навести справки в вашей среде – может быть, кто-то в курсе того, что некие нечистоплотные люди переманивают у вас клиентов. Но даже если выяснится, что это так, я не смогу привлечь их к ответственности. Просто потому что нет такой статьи, понимаете? Они имеют такое же право искать клиентов и совершать сделки, как и вы. Понятия «личный клиент» в юриспруденции не существует.

– Я знаю, я знаю! – с жаром подхватил Конышев и даже приподнялся на стуле. – Но я просто хотел, как бы это выразиться, обратиться к вам не совсем... официально. Хочу выяснить, кто за этим стоит! Я не собираюсь добиваться, чтобы этих людей упекли за решетку. И, уже тем более, не хочу вешать на вас «глухаря», как у вас говорится...

Лев с трудом подавил улыбку. Повесить на него «глухаря» у Конышева все равно бы не получилось, ибо для возникновения такого нужно официальное нераскрытое дело. А такого дела в случае с Конышевым просто не может быть.

– Помогите мне, пожалуйста, – продолжал тем временем Виктор Станиславович. – Ведь у вас для этого гораздо больше возможностей. Мне просто нужно знать, кто решил меня потеснить! Поверьте, дальше уже я разберусь сам!

– Замечательно! – прокомментировал Гуров. – Вы потом в криминал вляпаетесь, верша самосуд, а я еще вам в этом поспособствую!

– Ну что вы говорите, какой криминал! – укоризненно блеснул очками Конышев. – Для решения своих проблем я выберу исключительно цивилизованные методы. Я вообще считаю, что всегда можно договориться. Люди должны уметь договариваться! Вот и с вами, думаю, это будет возможно. Вы поможете мне, а я – вам. Петр Николаевич жаловался, что у вас кабинет в плохом состоянии и что нужно помещение для хранения вещдоков, – поможем! Есть очень удобный склад, за вполне доступную цену, и я даже еще готов скинуть процентов пятнадцать от стоимости... Петра Николаевича такое предложение определенно заинтересует!

«Петра Николаевича, похоже, в последнее время интересуют только финансовые нужды управления, – недовольно подумал Гуров. – Ему впору переквалифицироваться в завхозы – у него отлично получается торговаться и выклянчивать нужные средства! А Конышев не так прост, как кажется! Не зря так ловко вернул имя Петра Николаевича – знает, кто генерал, а кто подчиненный! Я еще поговорю с Петром на эту тему!»

Он задумчиво посмотрел на Конышева, потом на часы – лимит, отведенный для беседы с директором риелторской конторы, давно был превышен, и поднялся из-за стола:

– Ладно, Виктор Станиславович, я попробую что-нибудь сделать.

На лице Конышева отразилось облегчение.

– Вот и хорошо! Я же говорю – люди должны уметь договариваться. Вот, возьмите, так сказать, аванс... – Он достал из кармана конверт и положил на стол, однако Гуров решительно покачал головой:

– Это вы лучше Петру Николаевичу адресуйте. А мы уж с ним сами потом договоримся.

Конышев удивился, неуверенно посмотрел на конверт и медленно проговорил:

– Не знаю, не уверен, что это правильно. – Но конверт все-таки положил обратно в карман. – Да! – спохватился вдруг он. – Я же не сказал вам адреса нашей конторы. Записывайте!

Гуров, уже надевавший плащ, обернулся к нему с вопросом:

– Зачем он мне?

– Ну как же! Вы, наверное, захотите побеседовать с моими коллегами... Хотя бы с главными – Гольдманом и Красницким.

– Да зачем мне ваши Гольдман с Красницким! Вы лучше дайте мне координаты всех клиентов, которые разорвали с вами сделки. Ну а заодно и координаты конкурирующих фирм. Если и начинать копать, то с этого конца. Можете сейчас не напрягаться, завтра утром позвоните и продиктуйте мне по телефону. Вот моя визитка, – протянул Конышеву белый прямоугольник Лев и взялся за ручку двери.

Конышеву ничего не оставалось, как выйти в коридор. Они вместе спустились по лестнице, и по дороге Виктор Станиславович еще пытался что-то объяснить Гурову, но полковник слушал вполуха. Он уже переключился мысленно на встречу с женой, и заниматься проблемами директора конторы ему было совершенно неинтересно. Для этого есть завтрашний день. Поэтому на улице сразу же сел в свой автомобиль, коротко попрощавшись. Виктор Станиславович, несколько, казалось, разочарованный, постоял немного, глядя вслед скрывшемуся за поворотом автомобилю, после чего сел в свой «Лексус» и поехал домой.

Глава вторая

Следующий рабочий день, а точнее, утро, встретило Гурова хмурой физиономией Станислава Крячко, который, как это ни странно, без пяти восемь уже восседал в своем мягком кресле и потягивал кофе. Компьютер его был включен, и Станислав щелкал мышью, вглядываясь в экран, и даже что-то набирал на клавиатуре.

– Что это ты в такую рань? – спросил Лев, вешая плащ на плечики. – Никак в тебе проснулась страсть к работе писаря? Или печатника? Может, переквалифицируешься в секретари-машинистки? Правда, к Петру устроиться вряд ли получится – он с Верочкой ни за что не расстанется, а вот к кому пониже чином – можно.

– Отстань! – буркнул Крячко. – Я, между прочим, занимаюсь конструктивной работой!

– Чем? – Гуров настолько удивился, что даже положил плечики с плащом прямо на стул и подошел вплотную к Крячко, чтобы посмотреть, что он там такого делает.

У Станислава был открыт Интернет – извечный предмет препирательств обоих оперов, поскольку они до сих пор вынуждены были делить его на двоих – Орлов категорически отказывался платить двойную плату, а о том, чтобы подключить wifi-роутер, и слышать не хотел, а аргументы, насколько это удобно и выгодно, не принимал по причине не слишком большой технической продвинутости. Орлов вообще тяготел к работе по старинке, чего там греха таить.

В нем странным образом уживались две ипостаси: одна постоянно была недовольна тем, что многое в главке до сих пор находится на допотопном уровне, и неутомимо изыскивала пути для устранения этого, а вторая, осторожная и консервативная, ратовала за то, чтобы пользоваться привычными средствами. То есть там, где дело касалось ремонта – Орлов был двумя руками «за». Когда же речь заходила о том, чтобы пробить какой-то факт по компьютерной базе, Орлов, уклончиво обещая помочь, предпочитал пользоваться привычной картотекой. Делал он это, правда, тайком от сотрудников, особенно молодых и новых, но таким мастодонтам, как Крячко с Гуровым, разумеется, этот факт был хорошо известен. И даже требование Орлова сдавать отчетность в электронном виде была лишь попыткой угодить вышестоящему начальству, желанием не прослыть ретроградом, а заодно и дисциплинировать Крячко. Сам же Орлов вообще не любил читать тексты с компьютера и имел запасные варианты всех документов в обычном, бумажном виде.

На минувший день рождения младший полицейский состав торжественно преподнес генерал-лейтенанту в подарок электронную книгу, на которую скидывались всем отделом. Книга была дорогая, даже, кажется, с имитацией запаха бумажных страниц и шелеста при перелистывании. Орлов, улыбаясь, крепко жал руки своим коллегам, благодарил их и возвещал на все лады, как здорово, что технический прогресс не стоит на месте и насколько это удобно – иметь электронную книгу. Что он всегда мечтал о такой, и подчиненные здорово угадали с подарком. Сержанты слушали и цвели розами в саду, только Гуров и Крячко посмеивались исподтишка: им было отлично известно, что Орлов к этой электронной книге даже не притронется. Он в случае чего готов пойти в библиотеку – место, которое многие представители современного поколения считают атавизмом безвозвратно ушедшей эпохи, и даже просидеть полдня в читальном зале, лишь бы иметь удовольствие держать в руках томик настоящей, аутентичной книги, а не какой-то невразумительный кусок металлопластика.

Когда его спрашивали, как продвигается чтение и удобна ли книга в пользовании, Орлов с готовностью отвечал, что все отлично и что он посвящает чтению полезной книжицы ежедневно по два часа перед сном. Спрашивавшие расплывались до ушей и желали Орлову дальнейших успехов, тот благодарно улыбался, радуясь, что слышит в глазах подчиненных продвинутым пользователем новинок, – словом, все были счастливы, не подозревая, что гене-

рал-лейтенант к новинке даже не притрагивается и приспособил ее как подставку для чашки с чаем...

Гуров перегнулся через плечо Станислава и увидел набранную в Яндексе строчку «СОЛО НА КЛАВИАТУРЕ» скачать бесплатно». Также были открыты несколько сайтов с ссылками на упомянутый продукт, который Крячко безуспешно пытался скачать.

– Ты что же, решил в совершенстве освоить эту науку – печатать десятью пальцами? – Изумлению Гурова не было предела. – Ну, брат, уважаю! – хлопнул он Станислава по плечу. – Вот что значит профессиональный подход!

– Ты не хохми, а лучше помоги! – пробурчал Крячко.

– А в чем проблема-то?

– Да они тут совсем оборзели! Везде пишут, что бесплатно, а как начинаешь скачивать и устанавливать, и уже готово 99 процентов, вылезает надпись: «Чтобы пользоваться услугой в полной мере, отправьте смс на такой-то номер». Дураков ищут! Я уже один раз попался, знаю!

Крячко отвернулся к окну, а Гуров едва сдержал смех, вспомнив этот незабываемый случай. Станислав как-то раз от скуки, лазая по сайтам, наткнулся на какой-то тест на интеллект. Ему стало интересно выяснить свой ай-кью, и он принялся отвечать на вопросы, коих было порядка полутора сотен. Честно ответил на все, отправил запрос и получил ответ: «Ждите, ваши данные обрабатываются». После этого ему вежливо сообщили, что результат готов, но, чтобы его узнать, нужно получить код доступа. Нет-нет, никаких смс посылать не надо, достаточно просто ввести номер своего сотового телефона – на него и придет смс с кодом. Все бесплатно, честно, без обмана.

Многоопытный Крячко, тертый калач-опер, повелся на такую примитивную приманку и быстренько настучал свой номер в предложенной строчке, после чего, сгорая от нетерпения, стал ждать ответа – каков же его уровень интеллекта? Буквально через несколько секунд он его получил. Смс с кодом действительно прислали, и Станислав, введя его, прочитал, что уровень его интеллекта ниже среднего. Оскорбленный в лучших чувствах, он подумал, было, пройти тест еще раз, но предварительно решил поделиться своей обидой с лучшим другом – то есть Львом Гуровым – и позвонил ему. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что не может воспользоваться данной услугой.

Заподозрив неладное, Крячко решил проверить свой баланс и выяснил, что он составляет минус пятьсот сорок рублей... Но и это было еще не все. Сразу после того, как он узнал о минусовом балансе, ему не поленились прислать еще одну смс. Звучала она явно издевательски: «Недоволен услугой? Звони 8-800-0000-4315. Звонок бесплатный!»

Тут Станислав, окончательно убедившись, что данные об уровне его интеллекта, в общем-то, соответствуют истине, издал рык разъяренного льва, выдернул в бешенстве все провода компьютера из сети и дал зарок никогда в жизни больше не лазить в Интернет и не заходить ни на какие дурацкие сайты.

Потом, правда, остыл и вернулся к пользованию Интернетом, тем более что с него удобно было смотреть футбольные матчи, которые он не мог посмотреть по телевизору в прямом эфире, когда был занят на работе.

– Слушай, у тебя же сын – компьютерный гений! – напомнил Гуров. – Попроси его. Уж он-то наверняка скачает.

– Ага, дождешься от него! – раздосадованно произнес Крячко. – Часами за компом просиживает, да что там часами – сутками! И все ерундой занимается. А попробуй отец попроси что-нибудь по делу, сразу – отстань, па, я занят! Занят он! Лева, может быть, ты попробуешь? Ей-богу, у меня уже терпения не хватает!

– Раз у тебя не получилось, что я могу? – пожал плечами Гуров.

– Ну, ты же у нас самый умный в отделе, – заулыбался Крячко.

– Да ну тебя! – поморщился Лев. – Сам ерундой какой-то занимаешься! Печатай, как умеешь, осталось не так много! Больше времени потратишь, пока эту науку освоишь.

Открылась дверь, и на пороге показался генерал-лейтенант Орлов.

– Доброе утро, – произнес он вкрадчивым голосом.

– О! Еще одна ранняя птичка! Тебя-то что привело к нам в этот прекрасный утренний час? – с иронией поинтересовался Гуров.

– А что, начальство не имеет права проверить, как идет работа у подчиненных? – тут же парировал Орлов.

Крячко при его появлении сразу сделал страшно занятой вид, защелкал непослушными пальцами по клавишам, показывая, что ему недосуг заниматься пустой болтовней и сыпать шуточками в период аврала. Пусть этим занимаются такие бездельники, как Гуров с Орловым.

– Ну что, Лева, побеседовал с Коньшевым? – спросил генерал, присаживаясь на стул.

– Разумеется, – с ехидцей ответил Лев. – Разве можно ослушаться приказа начальства? Тем более если оно генеральские погоны носит?

– Что думаешь делать?

– Ну, я пообещал ему побеседовать кое с кем из его клиентов – сделаю. Пока больше не вижу вариантов. И вообще, Петр, хочу тебе заметить, что дружба со спонсорами, конечно, дело хорошее и нужное, только и о своем служебном составе забывать не стоит. Я должен тратить время на эту ерунду, хотя там ничего по моей части и близко нет! Ты перед этими спонсорами травой стелешься, а расхлебывать нам!

– Ага, точно! Он за новые унитазы штабелем готов лечь! – подал голос Крячко, точивший зубы на Орлова из-за пресловутых печатных документов.

При этом Гуров отметил, что Стас хоть и старательно делал вид, что занят своим делом, уже наострил уши и пока что не пропустил ни слова из беседы Гурова с Орловым.

– Я тебя по-дружески попросил, – укорил Гурова Орлов. – Ничего не приказывал, заметь! К тому же, обещал освободить от бумажной работы. А я слово свое держу. Так вот – освобождаю, можешь ехать прямо сейчас.

– А кто за меня документацию доделает? – недовольно проговорил Гуров. – Там еще часа на два работы.

– А Станислав на что? – искренне удивился Орлов. – Вот он и доделает. У него до конца рабочего дня впереди целых восемь часов, так что даже с его темпами все успеется.

Нужно было видеть, как вытянулась обычно круглая физиономия Крячко. Такого развития событий он никак не ожидал ни от Орлова, ни тем более от Гурова.

– Это что за подстава? – вращая глазами, спросил он, поднимаясь со стула. – Это вы сговорились, что ли? Лева? Ты заранее все подстроил?

– Станислав, я тебя уверяю, что... – начал Гуров, но Крячко резко оторвался от стула и протопал к двери, задев по пути Орлова своим мощным торсом.

– Короче, хватит из меня козла отпущения делать! – провозгласил он от двери. – Дураков ищите в другом месте! – И, хлопнув дверью, скрылся с глаз своих друзей, поступивших с ним столь коварно, как он считал.

Орлов лишь усмехнулся и покачал головой.

– Он и впрямь может подумать, что мы с тобой сговорились, – заметил Лев.

– Да ладно, что мы, первый день друг друга знаем, что ли? Сколько ему там осталось печатать-то?

– Ой, не знаю! – честно ответил Гуров. – Думаю, что немало. И чего ты его мучаешь? Знаешь же, что для него это муки адские. Дольше него в отделе никто с документами не возится. Нашел бы, кем его заменить.

– Ему на пользу! Пусть не забывается! – назидательно произнес Орлов и тоже поднялся. – К тому же, важных дел сейчас все равно нет. А если Станиславу не поручить ничего, он засядет

за Интернет и всякие игрушки, в результате чего потеряет форму, выбьется из графика, так что вернуть его потом туда будет сложно.

– О как! – уважительно произнес Гуров. – То есть ты это все от заботы о нем?

– Исключительно! – кивнул генерал-лейтенант и, дойдя до двери, добавил: – Когда по Коньшеву какой-то результат оформится, не сочти за труд – сообщи мне.

– Да уж непременно! С удовольствием сообщу, что моя работа по нему закончена! – в сердцах бросил Лев, снова надевая плащ, который он так и не успел повесить в шкаф.

Координаты клиентов Коньшева, с которыми не состоялись сделки, у него уже были: неугомонный Виктор Станиславович не утерпел и прислал ему их эсэмэской еще вчера вечером. И теперь Гуров направлялся к первому, значившемуся в списке, коим был Таранов Александр Юрьевич.

Коньшев сообщил Гурову не только фамилию-имя-отчество несостоявшегося клиента, но также и то, что он является учредителем ЗАО «Спортгейм-М», объединяющего сеть бильярдных клубов. Здесь же были представлены адреса этих бильярдных, а также главного офиса Таранова. Однако где именно его искать, Гуров не имел ни малейшего представления и для начала решил все-таки позвонить Александру Юрьевичу, благо Коньшев приложил к своим данным еще и номера его телефонов.

По первому же ответил сам Таранов. Гуров, представившись своим настоящим именем, попросил о встрече. Таранов, разумеется, удивился, что с ним хочет побеседовать полковник Главного управления МВД, но отказываться от встречи не стал, и через полчаса Гуров уже входил в главный офис Таранова, располагавшийся на Комсомольской площади.

Александр Юрьевич был не очень высок, но атлетично сложен. Выражение лица серьезное, деловое. Он пожал Гурову руку, предложил сесть в кожаное кресло, сам остался стоять и без предисловий начал:

– Что вы хотели у меня узнать? У меня не слишком много времени.

– Расширяетесь? Строительством занимаетесь? – поинтересовался Гуров.

Таранов бросил на него настороженный взгляд, потом ответил:

– И строительством в том числе. Так все же, зачем вы пришли?

Гуров не стал тянуть резину.

– Я слышал, что вы ищете помещение для очередного спортклуба...

В глазах Таранова промелькнуло удивление, однако он не стал выдавать своих чувств, только коротко кивнул.

– Уже нашел. Вы это хотели узнать?

– Не только. Мне просто любопытно – что за помещение? Где, в каком районе? Я, вообще-то, всегда любил бильярд, вот захотелось вспомнить молодость, шары покатать. Однако никак не могу найти подходящий клуб, все на каком-то доморощенном уровне. А вот о ваших бильярдных слышал только хвалебные отзывы.

Таранов перекатился с пятки на носок и обратно, потом развел руками и сказал:

– Так за чем дело стало? Новый еще нужно приводить в порядок, оборудовать, искать обслуживающий персонал – это дело не такое быстрое, как хотелось бы. У нас есть бильярдные, которые давно открыты и успешно функционируют. Так что милости просим. Прямо сейчас дам адрес, и выбирайте любой. Сам я чаще всего провожу время в той, что у Чистых прудов.

– А новая, я слышал, будет в Сокольниках? – как бы ненароком спросил Лев.

Таранов пристально посмотрел ему в глаза и сухо ответил:

– Нет. – Потом, немного помолчав, произнес: – Лев Иванович, давайте говорить прямо. Я далеко не идиот и понимаю, что полковник МВД вряд ли приедет ко мне лично, чтобы поинтересоваться адресами моих бильярдных, тем более что все они есть в Интернете. Уж тем более я не поверю, что вы хотите узнать, как продвигается мое строительство. У вас явно профессиональный интерес ко мне. И думаю, что интерес этот связан как раз с новым клубом. А так

как вы спросили про помещение в Сокольниках, то это как-то связано с Коньшевым. Я не ошибаюсь?

Гуров закинул ногу на ногу и ответил:

– В чем-то вы правы. Я не стану вдаваться в подробности, скажу лишь, что мы занимаемся разработкой одной мошеннической организации, вклинившейся на риелторский рынок. В связи с этим приходится мониторить все риелторские конторы и совершенные ими сделки. Ряд несостоявшихся сделок нас насторожил, в том числе и та, которую вы намечали с Коньшевым.

Таранов внимательно выслушал Гурова, хмуря брови и постукивая пальцами по дверце шкафа, стоявшего в углу кабинета. Он так и не присел за время беседы, словно хотел подчеркнуть, что она должна быть короткой. Наконец Александр Юрьевич нарушил молчание:

– И все же я не понимаю, что вы хотите от меня. Что подозрительного в том, что я не заключил сделку с Коньшевым? Разве я не имею право выбирать? Я хочу выгодно купить, Коньшев – выгодно продать. У каждого свой интерес.

– Но вас же полностью устраивал предложенный Коньшевым вариант? – напомнил Гуров.

– А потом перестал устраивать! – резко ответил Таранов. Однако тут же взял себя в руки и добавил смягчившимся тоном: – Хорошо, я тоже буду с вами откровенен. Да, я нашел другой вариант, который представляется мне более подходящим.

– Что, более выгодно по цене?

– Да, весьма. И район – лучше не придумашь.

– И кто же предложил вам такой шоколадный вариант?

– А вот это, извините, я вам сообщать не обязан. У меня тоже есть профессиональные секреты. Вы расследуете свое дело, но ко мне у вас не может быть претензий, я ничего не нарушал. И сообщаю вам все эти сведения просто из вежливости и уважения к вашим погонам. Скрывать мне нечего, но, честное слово, я очень не люблю, когда лезут в мои личные дела.

– Вы абсолютно правы, Александр Юрьевич, – подавив вздох, кивнул Гуров. – Я, кстати, вполне разделяю ваши чувства и желания. Но хочу только предупредить – будьте осторожны.

Таранов вскинул голову и испытующе посмотрел на Гурова.

– Что вы имеете в виду? Вы меня запугать пытаетесь?

– Да боже упаси! – махнул рукой Лев. – Наоборот, я вам очень признателен за откровенность. Вы и в самом деле не обязаны отвечать на мои вопросы. Просто напоминаю пословицу о том, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке. А теперь позвольте маленький совет личного свойства – не торопитесь со сделкой. Если вы еще не подписали документы, не спешите. Обдумайте все хорошенько после моего ухода и помните – я вам не враг. Если что-то захотите добавить, вот вам мои координаты. – Он поднялся с кресла, оставив на столе свою визитку, и пошел к двери, бросив на прощание: – Всего доброго, Александр Юрьевич!

Таранов проводил его задумчивым взглядом. Потом подошел к столу, взял визитку, прочитал и сунул к себе в нагрудный карман.

Сидя в машине, Гуров думал о том, что, как и предполагал заранее, занимается мышинной возней. Никто ничего ему не скажет, да и криминала, скорее всего, никакого в деле Коньшева нет. Просто появился некий ловкий риелтор, который шустрит на рынке и перекупает клиентов. Дело, может, и не совсем красивое с этической точки зрения, но вполне допустимое юридически. И Гуров бросил бы им заниматься прямо сейчас, если бы не его обещание Орлову проверить все до конца. Да и других дел пока все равно не было.

Оставались еще ребята из рок-клуба и молодая семья – это из числа тех, кто в последний момент отказался покупать помещение Коньшева. До рок-музыкантов он дозвониться не мог, а вот глава молодой семьи трубку снял. Правда, сказал, что сейчас занят и освободится только ближе к вечеру. Махнув рукой – он вообще не любил бежать впереди паровоза и рвать жилы там, где не следовало, – Гуров решил оставить пока все как есть. В конце концов, ему никто

не ставил никаких сроков, да и срочности никакой в этом деле он не видел. Не выпрыгивать же теперь из штанов из-за того, что он не может пообщаться с людьми, от слов которых зависит прояснение этой ситуации. И Гуров поехал в управление, хотя бы для того, чтобы просто перекусить в местном буфете, поскольку еще не успел сегодня позавтракать.

В буфете он взял себе два салата – фруктовый и овощной, омлет с сыром и кофе с круасанами и уже занял свое привычное место у окна, как в зал размашистой походкой вошел Станислав Крячко. Подойдя к очереди, он потребовал пропустить его вперед, сыпля направо и налево вопросами, почему все не на рабочих местах. Расшугав всех сержантов, довольный Крячко взял себе с полдюжины булочек с сахарной посыпкой, двойной кофе и с улыбкой на круглой физиономии направился к свободному столику, неся поднос на вытянутых руках.

Тут взгляд его упал на Гурова, и поначалу на его лице отразилось радостное удивление. Но, вспомнив, что находится в состоянии кровной обиды на лучшего друга, быстро затормозил и свернул к другому столику. Однако от резкого торможения его занесло на повороте, и Стас, потеряв равновесие, ухватился рукой за соседний столик. Легкая конструкция накренилась, готовая повалиться на пол, качнулось блюдо в руках Крячко, и он, наплевав на столик, принялся на лету подхватывать посыпавшиеся с него булочки. С поразительной виртуозностью ему удалось подхватить все и даже почти не расплескать кофе. Столик же с грохотом упал, задев собой расставленные вокруг него стулья. В последний момент Гуров, сидевший совсем рядом, схватил столик за ножку и аккуратно водрузил на место.

Крячко оказался в сложной ситуации: с одной стороны, он должен был поблагодарить Льва, но с другой – выдержать характер. Станислав решил пойти на компромисс. Буркнув сквозь зубы «спасибо!», принялся расставлять стулья по местам. Гуров наблюдал за ним с беззлобной насмешливостью.

– Ты чего такой радостный? – спросил он. – Никак отчет закончил?

– А ты что тут делаешь? – проигнорировал вопрос Стас. – Тебя же вроде на важное спецзадание отправили как лучший мозг отдела? Это нам, сырым и убогим, приходится всякой ерундой заниматься.

– Сообщаю к твоей великой радости, что в своем спецзадании лучший мозг зашел в тупик, – улыбнулся Гуров. – Прямо-таки безвыходная ситуация.

– Да? – недоверчиво покосился на него Крячко и тут же добавил: – Впрочем, мне без разницы. Меня все равно к этому делу не допустили!

– Да нет никакого дела. Ладно, Стас, кончай обиды из пальца высасывать, давай лучше с тобой перекусим и поговорим спокойно.

Крячко не умел долго злиться. Он уже и сам считал инцидент исчерпанным, к тому же, его не покидала мысль как-то подступиться к тому таинственному заданию, которое поручил Гурову Орлов, и набиться к нему в помощники. Все это исключительно ради того, чтобы избежать возни с документацией.

Гуров кратко изложил ему ситуацию и подвел итог словами:

– В общем, осталась эта молодая семья, на которую я вообще не возлагаю никаких надежд – мало ли, почему люди передумали покупать квартиру! Ну и эти рок-музыканты. Насколько мне известно, они пока никакого помещения не приобрели и обитают в некоем полуподвальном помещении на Бауманской. Ехать туда лучше всего ближе к вечеру, так как они народ творческий и вряд ли приезжают на работу к восьми утра.

У Крячко заблестели глаза.

– Слушай, Лева! – придвинувшись к Гурову ближе, просительно заговорил он. – Отдай мне этих музыкантов, а?

– То есть, что значит – отдай? – не понял Лев.

– Ну, давай я к ним поеду! Не бойсь, я все узнаю – чего они там и у кого покупать собрались!

– Стас, тут особая специфика. Люди другие, с ними нельзя разговаривать так, как с Тарановым. Здесь другой подход нужен, тонкий...

– Тонкий, толстый – мне по барабану! Я отлично знаю, какой подход нужен к таким людям! – хмыкнул Крячко.

– Да? – иронично спросил Гуров. – Неужели? Твои детство и юность прошли в кругу творческой молодежи? Первый раз слышу!

– Лева, мои детство и особенно юность прошли в таких кругах, что я к любому найду подход, не то что к этим волосатикам!

– С чего ты взял, что они волосатые?

– Так это ж рок-музыканты! Они все на одно лицо!

– А что ты Петру скажешь? – усмехнулся Гуров, который в принципе не возражал перекинуть на Крячко хотя бы какую-то часть дела Конышева.

– Его после обеда не будет – его в министерство вызвали, – сообщил Крячко. – А мне уже его идиотские поручения – во где! – провел он рукой по горлу. – Так что как только свалит, я с чистой совестью могу заниматься тем, чем сам считаю нужным!

– А как ты ему завтра отчетность представишь?

– А кто сказал, что я ему ее представлю завтра? – искренне удивился Стас. – Доложу, что работал весь день. Петру же совершенно необязательно знать, где я был и что делал сегодня после обеда! Так что можешь даже блестящие результаты моей работы присвоить себе и, как обычно, заграбастать все лавры. А мне достойная награда – не видеть все эти буквы и строчки, будь они неладны! А Петру скажу, так, мол, и так, честно работал, но печатаю я медленно, этому делу не обучался, так что не обессудь, успел сделать только одну страницу. Не нравится – нанимай другого на эту работу.

– То есть ты решил вот так его побороть! – засмеялся Гуров.

– Конечно! Он думает, что хитрее всех? Ха! Обхитрить Крячко у него кишка тонка! – Станислав самодовольно выставил грудь вперед. – Короче, давай мне их адрес и не беспокойся: все будет сделано в лучшем виде!

Гуров написал на листке адрес, Крячко пробежал его глазами и, довольно потирая руки, приступил, наконец, к булочкам...

Полуподвальное помещение на Бауманской выглядело довольно стандартно. Лишь невзрачная вывеска с надписью «Интермедия» возвещала о том, что здесь находится заведение, имеющее отношение к искусству. Крячко, который понятия не имел о том, что такое интермедия, все-таки догадался об этом.

Он осмотрелся по сторонам. У входа был припаркован один-единственный автомобиль марки «Лада-Приора». Подойдя к лестнице, Крячко заглянул вниз. В окнах горел свет, доносились слабые звуки музыки. Он удовлетворенно отметил, что публика на месте. По крайней мере, какая-то часть музыкантов сейчас находилась в «Интермедии» и репетировала. От Гурова Станислав знал, что рок-клуб как таковой еще не открылся, концерты здесь если и проходят, то редко и, в основном, для узкого круга, то есть неофициально собирается «своя» публика. По сути это была просто репетиционная база, плавно перетекавшая иногда в тусовку.

Крячко вразвалочку спустился вниз по лестнице и взялся за ручку двери. Она свободно подалась, и Станислав оказался в узеньком предбанничке, из которого вела еще одна дверь в другую комнату. Без труда открыв и ее, он прошел в основное помещение, которое представляло собой две смежные комнаты. В ближайшей располагалась различная аппаратура, стены были обшарпанными, кое-где на них висели изображения неких рок-групп и отдельных музыкантов, никто из которых не был знаком Крячко. Вторая комната была чуть больше, и там-то и проходило главное действие. В совсем маленькой клетушке находилась ударная установка, за которой сидел барабанщик в наушниках. Остальные музыканты сгруппировались в рядок у стены.

Их было четверо. Они, к удивлению Крячко, оказались совсем не волосатыми, только у одного русые волосы средней длины были забраны в хвост на затылке. Навскидку, всем от двадцати до двадцати пяти. При появлении Крячко они оторвали головы от своих нотных партитур и обратили взгляды на него. В пухлой серой куртке, выдавшей вида, в помятых брюках и вязаной шапочке на голове, Стас не производил впечатления близкого им по духу человека, тем не менее, они молча ждали, что он скажет.

– Здорóво, ребята! – радостно провозгласил с порога Крячко. – Играем?

Музыканты переглянулись и дружно кивнули.

– Здорóво!

– А можно послушать?

Музыканты переглянулись, и один из них, в черной бандане, похожий на средневекового викинга, неуверенно протянул:

– Ну... Слушайте. Только у нас пока репетиция, материал еще не готов.

– Да это ничего! – тут же успокоил его Стас, усаживаясь на табурет, стоявший посреди комнаты, и перекладывая лежавшую на нем стопку компакт-дисков прямо на пол. – Я люблю музыку послушать! Слышал, что играете вы хорошо, вот и зашел. У меня сын вас слушает.

На лицах музыкантов появилось выражение еще большего удивления, смешанного с интересом.

– А ваш сын у нас был? – спросил клавишник.

– А как же! Неоднократно. Очень хвалит. У него вся комната такими вот картинками оклеена, – кивнул на изображения неведомых ему музыкантов Крячко. – Вот я и решил тоже послушать. Оценить, так сказать.

Клавишник неуверенно посмотрел на своих коллег по цеху, потом спросил:

– А вы сами какое направление предпочитаете?

Станислав в направлениях современной музыки разбирался примерно как свинья в апельсинах, однако смущаться было не в его правилах, и он храбро заявил:

– Да мне без разницы. Сбациайте что-нибудь эдакое, чтоб за душу взяло!

На лицах музыкантов явственно отразился вопрос – что это за лох? Клавишник, который, видимо, был тут за старшего, что-то сказал своим коллегам. Ударник загрохотал по барабанам, а следом потекла музыка. Крячко закинул ногу на ногу и даже принялся постукивать по коленке, стараясь попадать в такт, попутно отмечая, что вокал не вызывает у него приятных эмоций. Композиция длилась минуты четыре и отличалась простотой и незамысловатостью, как музыкально, так и текстуально, но группа пыталась компенсировать это протяженными и эмоциональными соло на инструментах.

– Молодцы, – похвалил Станислав, когда музыканты закончили. – Таланты! А что же вы в таком затрапезном месте-то обретаетесь? Нашли бы что-нибудь получше. У меня вот как раз помещение есть подходящее, могу подогнать. От центра, правда, далековато, зато недорого! И ремонт там недавно сделали.

– У нас, вообще-то, этим вопросом занимается руководитель, Вячеслав Сергеевич. Вам лучше с ним поговорить, – ответил клавишник.

– Да мы же уже подобрали помещение, Артем! – не слишком довольным голосом вставил барабанщик. – Зачем еще что-то менять?

– Да? И за сколько? – живо заинтересовался Крячко.

Музыканты заерзали на своих местах.

– Не, ну, по-свойски-то, можно сказать? Не у Щелковской сарайчик? Так я вам лучше подгоню! – не отставал Стас.

В помещении повисла тишина.

– Это к Вячеславу Сергеевичу, – наконец вяло проговорил клавишник.

Группа всем своим видом давала понять, что присутствие дотошного дядьки с его коммерческими предложениями их откровенно утомляет. Но от Крячко было не так просто отвязаться. Он отлично знал, зачем сюда пришел, и не намеревался уходить, не получив ответов на свои вопросы.

– А кто вам предложил это помещение?

– Слушай, дядя! – не выдержал барабанщик, выглянув из своей клетушки. – А тебе какое дело? Ты вообще кто будешь?

Крячко не спеша поднялся с табурета. Выражение лица его стало хмурым и сосредоточенным. Он молча подошел к барабанщику, держа правую руку в кармане куртки, затем вытащил ее, и все увидели ствол пистолета. Пока длилась немая сцена, Стас ловко, уверенным движением завел руку барабанщика назад, отчего тот сразу же вскрикнул, ткнул ему ствол в бок и потребовал:

– Карманы выверни!

Барабанщик извивался, пытаясь вырваться, однако Крячко держал его мертвой хваткой. Музыканты повскакали со своих мест с перепуганными глазами и бросились к ним. Стас вскинул ствол и крикнул:

– Стоять на месте! Главное управление МВД, полковник Крячко!

Музыканты застыли как вкопанные, а он сунул левую руку в карман барабанщика, порывшись в нем и с явным удовлетворением извлек на свет божий спичечный коробок. Открыв, поднес к носу, понюхал и довольно произнес:

– Что и следовало доказать. Травку покуриваем? И распространяем, а? Для того и клуб открывать собираемся? То есть как прикрытие для торговли наркотиками?

– Да вы что? – воскликнул клавишник. – Мы не занимаемся торговлей наркотиками!

– А это что? – повертел Крячко в воздухе рукой с зажатым коробком. – Мама приправу для супа попросила купить?

Все молчали.

– Значит, так. Срок у вашего друга уже имеется. Но если он честно ответит на мои вопросы, я могу забыть о том, что нашел эту штучку в его кармане. Кстати, если проверить ваши, думаю, что там найдется тоже много чего интересного.

У музыкантов забегали глаза. Клавишник открыл, было, рот, чтобы что-то сказать, как послышался звук открываемой двери, и в комнату вошел усатый, довольно приятной внешности мужчина лет пятидесяти. Увидев, что какой-то здоровенный детина держит пистолет прижатым к боку согнутого пополам барабанщика, он ошеломленно оглядел остальных музыкантов и отпрянул к двери.

– Стоять на месте, сохранять спокойствие! – голос Крячко звучал бодро и весело.

– Что... Что здесь происходит? – дрожащим голосом спросил мужчина, стараясь сохранить хладнокровие.

– Вячеслав Сергеевич! – бросился к нему один из музыкантов.

– Я сказал, на место сядь! – рявкнул Станислав, направляя на него ствол.

Тот поспешно вернулся в исходное положение, а он обратился к вновь прибывшему:

– Значит, дела такие, Вячеслав Сергеевич! Скверные, скажу вам сразу, дела. Вы, я так понимаю, руководитель этого самого ансамбля?

– Группы, – машинально поправил его Вячеслав Сергеевич.

– Ну пусть так, – согласился Крячко. – У одного из ваших, так сказать, подчиненных мною обнаружен коробок с коноплей общим количеством примерно 10 граммов. То есть достаточным для заведения уголовного дела.

Директор молчал. На лице его застыло мрачное выражение, он обвел своих подопечных явно неодобрительным взглядом.

– Это я еще других не обыскивал! – услужливо поведал ему Крячко.

– Ну, меня обыщите, – улыбнулся вдруг Вячеслав Сергеевич.

Крячко внимательно посмотрел на него, а директор продолжил:

– Давайте отойдем в другое помещение, там будет удобнее...

Полковник окинул глазами музыкантов, которые явно чувствовали себя не в своей тарелке, и последовал за ним. Тот вывел его в первую комнату, провел в угол, где стоял стол, предложил присесть и снова улыбнулся, правда, несколько натянуто.

– Я так думаю, что вы пришли сюда не для того, чтобы посадить наших музыкантов.

– Кто знает, – философски отозвался Крячко. – Вообще-то, меня интересует ваше помещение.

– Наше помещение? – неподдельно удивился Вячеслав Сергеевич. – Вы хотите его... приобрести?

– Да на фига оно мне? Я хочу знать, какое помещение вы собираетесь приобретать вместо этого и, главное, кто вам его предложил. Если вы мне честно все скажете, я готов пойти на уступки касаясь ваших музыкантов.

– И все?

– Ну, главным образом, да, – пожал плечами Крячко. – Только, разумеется, я должен буду проверить ваши данные, а на это потребуется время. Так что коробочек я сохраню у себя. Да я его так и так заберу, и, пока проверю, не вешаете ли вы мне лапшу, он послужит своего рода залогом вашей правдивости.

Вячеслав Сергеевич молчал, обдумывая предложение Крячко.

– Да тут, собственно говоря, особого секрета нет, – начал он. – Помещение мне предложила фирма «Твой дом», а точнее, ее директор.

– Так, что за фирма, что за директор?

– Обыкновенная риелторская контора. Офис находится на Таганке, правда, я там еще не был.

– Вот как? – скосился на директора Крячко. – А где ж вы были?

– Мы с ее представителем встречались как раз на том самом месте, где находится заинтересовавшее меня помещение, – вздохнул Вячеслав Сергеевич.

Крячко посмотрел на него тяжелым взглядом и медленно отчеканил:

– Теперь. Еще раз. С самого начала. Как зовут представителя? Где находится «то самое место»? Ну и, наконец, как вообще вы пересеклись с этим представителем?

– Значит, по порядку, – спокойно и вежливо заговорил директор, – представителя зовут Андрей Марычев, место – у Курского вокзала. Они сами мне позвонили и спросили, интересует ли меня помещение под рок-клуб?

– А как они узнали, что оно вас интересует?

– Понятия не имею, – пожал плечами Вячеслав Сергеевич. – Дело в том, что я уже обращался в одну риелторскую контору...

– К Коньшеву?

– Да, а откуда вы... Впрочем, неважно. Да, сначала мне понравилось то место, что предложил Коньшев. Но поступившее встречное предложение оказалось более выгодным. К тому же... – Вячеслав Сергеевич вдруг замялся, не зная, говорить дальше или нет.

– Что такое? – живо спросил Крячко. – Есть еще какие-то факты? Да говорите уже, я ведь просто так не отстану! Уговор у нас с вами и так шоколадный в вашу пользу, и мое обещание отпустить с миром ваших музыкантов – просто милость божия. Но за это я из вас вытяну все! – И Стас многообещающе погрозил Вячеславу Сергеевичу пальцем.

– Да я не собираюсь что-то утаивать, просто это непроверенные данные, – принялся оправдываться руководитель коллектива. – Словом, про эту контору всплыли... не слишком приятные факты.

– Про коньшевскую? – уточнил Крячко.

– Ну да. Поговаривают, будто они в свое время занимались незаконным бизнесом. Точнее, даже полным беспределом. Помните середину девяностых? Когда людей просто выгоняли с законных мест, переселяя в какие-нибудь хибары на выселках? И это еще в лучшем случае! А коньшевская контора... Одним словом, после того, как связывались с ней, люди просто исчезали. Насовсем...

Последнее слово Вячеслав Сергеевич произнес тихо. Крячко почесал лоб – такого он явно не ожидал услышать. Потом спросил:

– А откуда это стало известно?

– Ну, говорят... – поиграл рукой в воздухе Вячеслав Сергеевич.

– Кто говорит? – пригвоздил его взглядом Крячко.

– Один из наших музыкантов прочел в Интернете статью, в которой как раз говорилось об этом. Я не знаю, насколько это правда, но, от греха подальше, решил подстраховаться и отказаться от услуг этой фирмы, тем более что как раз поступило новое предложение.

Крячко задумался. Полученные им сведения были неожиданны и интересны, но они нуждались в проверке. А заняться этим можно было только завтра – сегодня уже по-любому поздно.

– Давайте сюда этого вашего музыканта! – потребовал он.

Вячеслав Сергеевич прошел в комнату и вскоре вернулся вместе с клавишником, который вошел, поеживаясь и настороженно поглядывая на Крячко.

– Ну, колись давай, где статейку-то нашел, – сказал Крячко.

– Да в Интернете! Просто читал про риелторские конторы – мы как раз помещение собирались покупать, набрал фамилию Коньшев, чтобы их телефон уточнить, а у меня один сайт вылез, который мне показался заслуживающим внимания. Это неофициальный сайт был, понимаете? Остальные все официальные, там все по стандарту – адрес, телефон, часы приема... А тут просто статья, в которой рассказывалось, что Коньшев поднялся благодаря тому, что в свое время людей на улицу выбрасывал, а порой и просто убивал. Не сам, конечно. У него банда отморожков была. Я еще читал...

– Так, вот что, читатель! – перебил клавишника Крячко. – Ты мне скажи, как этот сайт найти, я его сам почитаю!

– Ну как? Набираете – Коньшев Виктор Станиславович, поисковик вам выдает результаты, просматриваете их и выбираете нужный! Вот и все!

По словам и интонациям клавишника все выходило легко и просто. Но не для Станислава Крячко. Он был человеком конкретным. Что-то где-то набираешь и что-то где-то получаешь – это не для него. Да и с Интернетом Станислав не слишком-то дружил, даром что являлся отцом «компьютерного гения», по крайней мере, начинающего...

– Ты мне не трюнди, – махнул он рукой. – Ты вот что, завтра в двенадцать часов приезжаешь в главное управление МВД, поднимаешься в мой кабинет, я тебя сажаю за компьютер, и ты при мне все это дело набираешь и находишь. Ясно?

– Да зачем в управление-то? – взмолился клавишник. – Я же вам все объяснил!

– Мне объяснять не надо! – категорически заявил Крячко. – Мне надо пальцем показать! Короче, завтра в двенадцать я тебя жду.

Клавишник заморгал глазами. Ехать в МВД ему явно не хотелось, однако находясь сразу под двумя суровыми взглядами – Крячко и своего непосредственного руководителя, – он вынужден был сдаться, осознав неравность сил, и обреченно вздохнул:

– Хорошо.

– Вот и лады! – Станислав засунул пистолет в карман куртки и направился к двери. На пороге он вдруг обернулся: – На всякий случай предупреждаю: если соврал, у вас всех такое количество анаши найдут, что весь коллектив пожизненное получит, понял?

Клавишник лишь кивнул, а Вячеслав Сергеевич судорожно переступил с ноги на ногу. На улице, наматывая потуже шарф, Крячко услышал доносившиеся снизу вопли:

– Какого хрена у вас открыта дверь? Не клуб, а проходной двор! Какого хрена таскаетесь сюда со своей дурью и пускаете кого попало?! Разгоню всех, к чертовой матери!

Технический директор рок-группы всю распекал своих проштрафившихся подопечных, причем выбирал для этого не самые интеллигентные выражения...

Глава третья

– Значит, риелторская контора «Твой дом», как зовут директора, неизвестно, один из представителей – Марычев Андрей, – зачитывал на следующий день Крячко полученные в рок-клубе данные. – Это они подвинули музыкантам новое помещение.

Гуров старательно переписал сведения в свою записную книжку. Они с Крячко сидели в буфете, где только что покончили с обедом. Обсудить накопившиеся сведения раньше не получилось – Гурова с утра вызвали на новое дело, обещавшее быть очень серьезным. Однако оно оказалось не по части их управления, и полковник, возложив его на плечи военной прокуратуры, вернулся в свою вотчину, где и встретился с Крячко. Орлова не было в поле зрения, и обоим сыщикам как-то не хотелось идти к нему в кабинет, дабы поинтересоваться, присутствует он на рабочем месте или нет. Крячко вообще старался в эти дни держаться подальше от начальства.

– Ну, ты молодец, Стас! – похвалил Гуров. – Признаться, не ожидал, что так быстро все разумеешь,

– Я ж тебе говорю – я к каждому свой подход знаю, – подмигнул ему Крячко и вдруг, посерьезнев, спросил, понизив голос: – Слушай, Лева, а ты вообще хорошо этого Конышева знаешь?

– В общем, нет, – пожал плечами Гуров, – это орловская креатура. А что?

– Да понимаешь, какое дело... – принял озабоченный вид Стас. – Фигура-то он, получается, мутноватая. Я, правда, до конца смогу разобраться только сегодня – как раз жду одного кадра. Пока могу лишь поделиться с тобой предварительными данными.

Однако поделиться предварительными данными Крячко не успел – у Гурова зазвонил телефон, и он, сделав Крячко знак умолкнуть, ответил.

– Лев Иванович! – раздался взволнованный голос Конышева. – Вы сейчас на месте?

– Да, Виктор Станиславович. Как раз занимаемся вашими проблемами. Кое-что даже удалось выяснить...

– Бросайте этим заниматься! У нас тут проблемы посерьезнее! Я вас очень прошу – приезжайте ко мне в контору немедленно! Мне так или иначе придется вызывать полицию, так что пусть лучше это будете вы! Я жду вас, срочно! Записывайте адрес – Чаплыгина, 8.

Гуров ничего не успел понять – Конышев отключил связь. Посмотрев на Крячко удивленным взглядом, он сказал:

– Похоже, там что-то случилось. Ладно, побеседуем после. Придется ехать.

– Можно с тобой? – подхватился, было, Стас, однако Гуров осадил его:

– Нет. Во-первых, я сам не знаю, что там случилось, во-вторых, ты, кажется, ждешь важного кадра. Вот когда я вернусь, перескажешь мне свою беседу с ним.

И полковник, спустившись к своему автомобилю, отправился на улицу Чаплыгина.

Конышев положил телефонную трубку и посмотрел на часы. Он ожидал важного для себя момента: сейчас должны были приехать клиенты для оформления сделки и привезти наличные. Виктор Станиславович всегда предпочитал брать наличными, а уже потом сам клал их в банк на собственный счет. День обещал быть очень насыщенным: на сегодня намечены сразу три сделки, одна за другой, и все с получением денег. А потом ему нужно будет съездить в нотариальную контору, а вечером отвезти деньги в банк в сопровождении специально нанятого для этой цели человека, обеспечивавшего вооруженную охрану. Будучи человеком осторожным, Конышев никогда не возил крупную сумму в одиночку.

До назначенной встречи оставалось несколько минут, и он вышел в приемную. Там, помимо секретарши Люды, никого не было. Конышев направился в кабинет риелторов. Лев

Абрамович Гольдман находился на своем месте. Поправляя сползавшие с носа очки, он сосредоточенно перечитывал какие-то документы.

– У вас все готово, Лев Абрамович?

– Да-да, Виктор Станиславович! – отозвался тот.

– Скоро приедет Лемешев, поторопитесь! – напомнил Коньшев.

– Не беспокойтесь, у меня все в порядке, я просто перечитываю документы. Как только он подъедет – я в вашем распоряжении.

– Отлично. А вы не видели Красницкого?

– Кажется, он... э-э-э... вышел покурить, – рассеянно ответил Лев Абрамович.

Коньшев вышел из кабинета и направился в курилку – так называлось помещение в конце коридора, небольшой закуток с двумя старенькими стульями. Как человек некурящий, он редко посещал это место, только в случае, когда требовалось срочно переговорить с сотрудником, устроившим себе перекур.

Красницкий стоял возле окна, прислонившись к раме и держа двумя пальцами зажженную сигарету. Рядом с ним Коньшев, к своему неудовольствию, увидел агента по недвижимости Надю, которая стояла к нему спиной и о чем-то вполголоса говорила с Красницким. Тот улыбался и что-то тихо ей возражал, как показалось Виктору Станиславовичу.

– Алексей Владимирович, вы после обеда что намереваетесь делать? – спросил Коньшев.

– Пока не знаю, а что?

– У меня сегодня три важные встречи...

– Да, я помню! Но ими всеми занимается Гольдман, они не по моей части.

– Поэтому я и спрашиваю! – немного раздраженно пояснил Коньшев – он слегка нервничал перед получением крупных сумм и успокаивался только тогда, когда деньги благополучно занимали свое место в банковской ячейке.

– Ну-у-у... – неопределенно протянул Красницкий.

– Свяжитесь, пожалуйста, со строителями, которые делают ремонт на Электrozаводской. А еще лучше – съездите туда и лично посмотрите, как продвигается работа. Если их постоянно не навещать и не подталкивать, все затянется очень надолго. А нам желательно продать это помещение до Нового года – оно идеально подходит для утренников и спектаклей. У меня Театр юного зрителя уже интересовался...

– Хорошо, я съезжу, – заверил Красницкий, которого, кажется, куда больше сейчас занимала беседа с Надей.

Коньшев хотел что-то добавить, но лишь махнул рукой и ушел. Черт знает что такое! Этот Красницкий со своими шашнями совершенно забывает о работе! И Надя эта тоже хороша! Без году неделя в конторе, а уже хвост распушает! И что Красницкий в ней нашел? На взгляд Коньшева, абсолютно лишена женственности. Высокая, крепковатая, голос прокуренный, а ведь ей всего двадцать шесть лет! Вот уж, поистине, неисправимая натура – западает на все, что движется...

Вернувшись в свой кабинет, Виктор Станиславович, чтобы унять расшалившиеся нервы, принял пару успокоительных таблеток. Потом откинулся в кресле и прикрыл глаза, чтобы посидеть немного в тишине. Тишину нарушила заглянувшая в кабинет Надя.

– Виктор Станиславович, я на адрес, – проговорила она своим приглушенным хрипловатым голосом.

– Удачи, – не открывая глаз, ответил Коньшев.

Следом заглянул Красницкий, сообщивший, что до обеда у него наметились другие дела и что он уезжает немедленно, а потом, как и договаривались, отправится на строительный объект. Коньшев кивнул и остался сидеть неподвижно. До завершения первой сделки оставалось менее получаса...

... Все прошло благополучно – все документы были подписаны, деньги получены, и Виктор Станиславович, запирая их в сейф, заторопился в нотариальную контору – там следовало поставить последнюю точку. Он положил ключ в карман и вышел, на ходу сообщив секретарше Люде, что вернется часа через два. В кабинет риелторов он не заходил, но понял, что Люда остается в конторе одна.

Коньшев управился даже раньше.

– Никто не появлялся? – вернувшись к себе, поинтересовался он, обращаясь к секретарше.

– Красницкий заскочил и сразу снова уехал. Какие-то документы взял.

– А Гольдман?

– У себя, – коротко ответила Люда, продолжая стучать по клавиатуре.

Коньшев скрылся в своем кабинете и достал сотовый телефон:

– Игорь Михайлович, я жду вас, как договаривались.

– В два буду, – отозвался охранник.

На часах была половина второго, и Коньшев решил, что пора подготовить деньги и упаковать их в специальный контейнер. Он достал из кармана ключ, подошел к сейфу, отпер его и уже протянул руку за деньгами, как вдруг в следующее мгновение она застыла в воздухе. Виктор Станиславович тупо смотрел в зияющую пустоту сейфа. Денег не было...

Не веря своим глазам и пытаясь унять бешено заколотившееся сердце, Коньшев выпрямился и взялся рукой за грудь. Может быть, он уже переложил деньги и в запарке совершенно забыл об этом? Да нет, он же точно помнит, что... Черт!

Коньшев рысцой подбежал к шкафу и достал из него контейнер. В нем ничего не было. Метнулся к столу и принялся один за другим выдергивать ящики, которые с грохотом падали на пол, а содержимое рассыпалось по ламинату. Погром не прошел незамеченным – в кабинет прибежала испуганная Люда. Увидев пунцового шефа, она испугалась еще больше.

– Люда... – тяжело дыша, проговорил Коньшев. – Люда, кто заходил в мой кабинет?

– Никто, Виктор Станиславович.

– Никто... – повторил Коньшев. – Никто... – И вдруг закричал во весь голос: – «Никто» не может отпереть сейф! «Никто» не может украсть деньги! «Никто» ничего не может! Я спрашиваю – кто был в кабинете?

Насмерть перепуганная Люда, услышав об украденных деньгах, вжалась в стену.

– Вы отлучались куда-нибудь? – подскочив к ней, продолжал Коньшев.

– Я... Я только в туалет выходила пару раз, – заикаясь, проговорила девушка.

– Посторонние были? Приходил кто-нибудь?

– Нет, только свои! Красницкий заехал на минутку, но он не проходил в ваш кабинет! И вообще, он же заперт!

Заперт, да... Эта мысль остановила Коньшева, заставила его задуматься. Кабинет был заперт – Виктор Станиславович сам открыл его ключом, когда вернулся из нотариальной конторы. Равно как и сейф. Запасной ключ от кабинета есть у Гольдмана, от сейфа же ни у кого. Только его, личный ключ... Это что же значит? Что сейф взломали? Но кто? Гольдман? Только он один оставался в конторе, помимо Люды. Но это же... Это же невозможно! Неслыханно! На что он рассчитывал?

Коньшев огромными шагами прошел прямо к кабинету риелторов и рывком распахнул дверь. Гольдман сидел на своем месте, по своему обыкновению уткнув крючковатый нос в бумаги.

– Где деньги? – с порога спросил Коньшев.

Длинное лицо Льва Абрамовича вытянулось еще больше.

– Что, простите? – переспросил он.

– Деньги! Деньги! – прокричал Коньшев.

Потом, поняв, что Гольдман ничего не понимает, опустил на стул и, в один миг вдруг осознав, что случилось непоправимое, сообщил уже другим, совершенно тусклым голосом:

– Нас обокрали, Лев Абрамович.

Гольдман поднялся из-за стола. На лице его было написано выражение крайнего волнения.

– Но как же... Вы заперли сейф? – спросил он.

Коньшев лишь устало махнул рукой. Достав из кармана сотовый телефон, нажал на кнопку и произнес:

– Лев Иванович, вы сейчас на месте? Это Коньшев... Можете срочно приехать?

Гуров смотрел на пустой сейф, переводя взгляд на Коньшева и Гольдмана, которые маячили за его спиной.

– Вот сюда, сюда я их положил! – тыкал рукой Коньшев, как будто имело значение, в какой именно угол сейфа он сунул злополучные деньги.

Гуров не слушал его, внимательно разглядывая замочную скважину. Эксперты, конечно, скажут наверняка, но уже сейчас было ясно, что замок не взломан, а очень аккуратно открыт. Вот только непонятно чем.

– Можете приступать, – кивнул он своему спутнику, молодому эксперту Мише Заварзину, который, вооружившись лупой и другими необходимыми инструментами, принялся осматривать поруганный сейф.

– А мы с вами давайте пока побеседуем, – предложил Гуров. – Начнем с простого вопроса: в какое примерно время была совершена кража?

– Так, я уехал сразу после одиннадцати, деньги были на месте, – закатив глаза, начал вспоминать Коньшев. – Вернулся в половине второго, и их уже не было. Вот за это время их и украли!

– А ключ, говорите, есть только у вас?

Коньшев подтвердил, что это так.

– А у кого-нибудь есть к нему доступ?

– Нет. Я всегда ношу его с собой, в связке со всеми остальными ключами. Эта связка крепится к карману, так что она всегда со мной.

Гуров кивнул и пристально посмотрел на Коньшева.

– Что такое? – заморгал тот.

– Пока ничего. Мы еще поговорим с вами наедине, Виктор Станиславович, а пока я хочу знать, что происходило в конторе за время вашего отсутствия. Вы были здесь все время? – повернулся он к секретарше.

Та кивнула. Выходящие за привычные рамки события сегодняшнего дня отразились на ней не лучшим образом: она еле сдерживалась, чтобы не расплакаться, и, кажется, из последних сил держалась на ногах. Тут же находился пожилой мужчина с печальными, но хитрыми еврейскими глазами и бородкой клинышком – это был заместитель Коньшева Лев Абрамович Гольдман.

– Попробуйте воссоздать последовательность событий, – попросил Гуров, доставая записную книжку.

Девушка кивнула и, запинаясь, начала:

– Когда Виктор Станиславович уехал, мы остались вдвоем с Львом Абрамовичем. Он все время был в своем кабинете. Нет, кажется, он все-таки выходил пару раз...

– Людочка, но я же не проходил к кабинету Виктора Станиславовича, я выходил просто покурить! – с трудом сдерживая раздражение, вставил Гольдман.

– Неважно, не мешайте, пожалуйста, – остановил его Гуров. – Продолжайте, Люда.

– Я, собственно, даже не знаю, что продолжать, – захлопала та ресницами. – Ничего не происходило...

Гуров подошел к ней поближе, усадил в кресло и попросил принести девушке каких-нибудь успокаивающих капель. Так как никого более подходящего не было, это пришлось сделать самому Коньшеву. Примерно минут через пятнадцать, когда девушка более-менее успокоилась, Гурову удалось выяснить, что ничего особенного в конторе не происходило. Что она практически не отлучалась со своего места, что никто посторонний не приходил и даже не звонил, несколько раз промелькнул Гольдман, но не приближаясь к двери кабинета директора, а около двенадцати заявился Красницкий.

– Я как раз в это время возвращалась из туалета и увидела, что он дожидается меня в приемной. Он очень спешил и попросил меня сделать ему чаю, после чего сразу же ушел в свой кабинет.

– Значит, Красницкий какое-то время все-таки оставался в приемной один? – уточнил Гуров.

– Да, но... Но не думаете же вы, что это он украл деньги? – глядя на Гурова с каким-то ужасом, спросила Люда.

Гуров лишь усмехнулся и повернулся к Коньшеву:

– У него же нет ключа, верно?

– Нет и быть не могло! – твердо заявил тот и обратился к Гольдману: – Лев Абрамович, вы не давали запасной ключ Красницкому?

– Боже меня упаси! – со священным ужасом в глазах сложил руки на груди Гольдман.

– Где сейчас Красницкий? – спросил Гуров.

– Уехал на объект.

– Звоните ему! – потребовал полковник.

Коньшев дрожащей рукой набрал номер и через полминуты сообщил, что Алексей Владимирович не отвечает. После этого директор конторы позвонил на объект и выяснил, что Красницкий там сегодня не появлялся.

– Да где же он? – с недоумением вопрошал Коньшев, расхаживая по приемной взад-вперед. – Как сквозь землю провалился!

Гуров ничего не прокомментировал. Он отлично понимал, что с той суммой, что была похищена из сейфа Коньшева, «провалиться сквозь землю» можно очень легко.

– Постойте! – сказала вдруг Люда. – Еще ведь Надя была!

– Как – была? – удивился Коньшев. – Она же мне сказала, что уезжает на адрес!

– Ну, она и поехала, – оправдываясь, стала объяснять Люда. – Только это уже после вас было. Она что-то еще собирала в своей комнате.

– Час от часу не легче! – прошипел Коньшев. – И что, она могла зайти в мой кабинет? Но у нее уж точно нет ключей! Люда, вы видели ее в приемной?

– Нет. Разве что...

– Разве – что? – надвинулся на нее Коньшев.

– Разве что, когда я в туалет выходила, – шепотом добавила девушка и разревелась.

Гуров внимательно посмотрел на ее стол и на большую чашку, в которой плавал пакетик чая.

– С вашего позволения, – шагнул он к столу и взял чашку в руки, после чего передал ее эксперту со словами: – Миша, проверьте-ка этот чаек.

Эксперт кивнул, продолжая заниматься своей работой. Люда редела, Гольдман хмуро переминался с ноги на ногу, и Гуров решил, что настало время побеседовать с Коньшевым тет-а-тет, для чего и спросил, где это будет удобно сделать. Директор стал озираясь – в его кабинете колдовал над сейфом эксперт, в приемной толпились сотрудники, посему он провел Гурова в кабинет риелторов, который постоянно делили Гольдман и Красницкий, а агенты по

недвижимости, которые, вообще-то, зарабатывают свой хлеб ногами, были здесь нечастыми гостями.

Пока они шли к кабинету, Коньшев еще раз набрал номер Красницкого, но тот снова не ответил.

– Странно, он же не отключен, – бормотал себе под нос Виктор Станиславович.

– Какая у него машина? – обратился к нему Гуров.

– «Тойота Лэнд-Крузер».

– Номер, – потребовал Лев, берясь за свой телефон.

Позвонив в службу ДПС, он попросил знакомого майора оповестить всех сотрудников на предмет засечения нужного автомобиля, если тот появится в поле зрения, после чего полностью переключился на беседу с Коньшевым.

– Виктор Станиславович, вы утверждаете, что ключ от сейфа всегда при вас. Вы понимаете, что это означает?

– Нет, – искренне, как показалось Гурову, ответил директор конторы.

– Это означает, – вздохнул Лев, – что, кроме вас, никто открыть сейф не мог. А его явно отпирали. Я, разумеется, послушаю, что скажет эксперт, но и так ясно, что следов взлома нет.

– Но зачем бы я стал отпирать собственный сейф и брать собственные деньги, когда они и так мои! – раздраженно заявил Коньшев.

– А ваши домашние? – Гуров смотрел на Коньшев в упор.

– Мои домашние – это только моя дочь Рита. Она не интересуется моими делами и практически никогда не бывает в моей конторе.

– Но у нее есть доступ к вашим ключам?

– Теоретически – да, – сердито ответил Коньшев. – Но это чушь собачья! К тому же, повторяю – Рита не бывает здесь!

Гуров ничего не ответил, вместо этого вышел из кабинета и прошел туда, где находился эксперт.

– Ну что у тебя, Миша? Что-то можешь уже сказать?

– Отпирали ключом, Лев Иванович, – уверенно сообщил тот. – Вот только, скорее всего, новым. Об этом говорят едва заметные свежие царапинки на замочной скважине. То есть явно не чуждым инструментом вскрывали, но, в то же время, и не постоянным ключом.

– Вот как? То есть кто-то сделал дубликат... – задумчиво проговорил Гуров.

– Это уже не мне выводы делать, – пожал плечами Заварзин. – Все отпечатки я зафиксировал, хотя они очень похожи – думаю, что принадлежат одному хозяину-директору. Но, на всякий случай, нужно дактилоскопировать всех сотрудников.

– Обязательно, – кивнул Гуров и направился обратно к Коньшеву.

Звонок сотового телефона застиг его на полпути.

– Лев Иванович, нашли. – Гуров узнал голос майора Речкина из ДПС.

– Так быстро? Молодцы! И где он?

– Да здесь неподалеку. Только... – замялся майор.

– Что такое?

– Лучше бы вам самому подъехать. Записывайте координаты.

– Я, вообще-то, на деле, – ответил полковник.

– Да тут, боюсь, дело поважнее, – вздохнул Речкин. – Я сам лично выехал после того, как мне ребята по рации сообщили. Вас дожидаясь.

Лев подумал пару секунд, потом заглянул в кабинет, где его ждал, сидя как на иголках, обокраденный директор, и бросил на ходу:

– Я отлучусь ненадолго.

Он свернул свой автомобиль в один из дворов, образованный двумя десятиэтажными домами. Там собрались несколько дэпээсников, среди которых Гуров заметил и майора Речкина. Они обступили черный джип «Тойота», передняя дверца которого была приоткрыта.

Подходя, Лев услышал, как собравшиеся переговариваются вполголоса, и увидел, что за рулем «Тойоты» никого нет. При этом открытая передняя дверца еще больше настораживала.

Дэпээсники при его появлении молча расступились. Подойдя вплотную к машине, Гуров все понял. На водительском сиденье, уткнувшись головой в панель, полулежало тело мужчины. Судя по всему, это был владелец автомобиля Алексей Владимирович Красницкий...

– Группу вызвали? – спросил он, автоматически берясь за руку Красницкого и пытаясь прощупать пульс.

Он знал, что дэпээсники наверняка уже сделали это, но поступал так всегда, взяв за правило самому удостоверяться, труп перед ним или человеку еще можно оказать помощь. Эта привычка возникла у него после одного случая, произошедшего не один десяток лет назад, когда он был совсем юным старлеем. Тогда Гуров выехал на вызов, поступивший от участкового, который сообщил, что в одной из квартир на его участке убита женщина. Приехав, он обнаружил тело женщины с разможенной головой. Рядом валялось и орудие преступления – молоток для отбивания мяса. Типичная бытовуха, и преступник, казалось, на месте – дражайший супруг, который в это время валялся на диване в полной отключке.

Гуров в ожидании приезда судмедэксперта уже сел и начал составлять протокол, когда прибывший врач вдруг побледнел и резко выкрикнул:

– В машину ее, быстро! Она же жива!

У Гурова и участкового – такого же зеленого пацана – вытянулись лица. А врач, матеря их обоих на чем свет стоит, пытался сам погрузить пострадавшую на носилки.

Женщина та, слава богу, выжила. Гуров тогда получил выговор за халатность. Участковый отделался замечанием, но потом все-таки сменил профессию. А Лев усвоил урок навечно: когда речь идет о человеческой жизни, нельзя полагаться на чьи-то слова, всегда нужно все проверять досконально и самому. Тот участковый, мальчишка, увидев тело, мало похожее на живого человека, автоматически записал женщину в покойницы, а Гуров поверил ему на слово. Сейчас, разумеется, он никогда бы так не поступил, но был благодарен судьбе за тот урок.

С Красницким все обстояло куда печальнее: Алексей Владимирович был мертв, и помочь ему уже не мог никакой врач. Так что до приезда опергруппы оставалось время спокойно осмотреть и место преступления, и труп.

Уже по первому взгляду было ясно, что имеет место явный криминал – то есть Красницкий был убит, о чем свидетельствовали следы на его шее – неровные полосы багрового цвета, оставленные удавкой. Само орудие преступления находилось здесь же.

Гуров осторожно ногтем подцепил его и едва сдержался, чтобы не выказать своего удивления: это был женский шарф – длинный, дымчато-серый, с каким-то перламутровым переливом. Особенно нелепо на орудии преступления выглядели кокетливые висюльки-помпончики, тянущиеся по краям шарфа...

Гуров не был экспертом и не имел медицинского образования, однако у него имелось кое-что не менее ценное – жизненный опыт. И он свидетельствовал о том, что с момента смерти Красницкого прошло около двух-трех часов.

Прибыла опергруппа, сразу сориентировалась, и каждый приступил к своей работе, методично и последовательно выполняя то, что требовалось: оперативник с собакой пытался направить своего питомца взять след, врач принялся осматривать тело и фиксировать данные, дактилоскопист занялся исследованием салона автомобиля на предмет взятия отпечатков пальцев – словом, каждый был на своем месте. Один из экспертов упаковал в полиэтиленовый пакет шарф.

Гуров, следя за работой группы, подумал о том, что ему больше нечего тут делать. Все, что хотел, он уже увидел, а профессионалы разберутся и без него. Вот потом, когда будут получены данные от экспертов и их работа закончится, наступит черед сыщика.

Он вернулся к своему автомобилю и отправился обратно в контору Коньшева. Там ничего не изменилось, только эксперт Миша Заварзин, закончив свою работу, стоял наготове с чемоданчиком у дверей. Коньшев с унылым видом сидел в кресле, Гольдман читал какой-то документ – видимо, он даже в форс-мажорных обстоятельствах старался не тратить время попусту, дабы потом не наверстывать упущенное.

Секретарша Люда, видимо, приняла слишком большое количество успокоительного, потому что сидела, уставившись куда-то в пустоту стеклянным взглядом.

– Лев Иванович. – При виде полковника Заварзин шагнул ему навстречу. – В чашке секретарши с остатками чая обнаружены следы мощного мочегонного средства...

– Что-о? – неожиданно встрепенулась Люда, выходя из ступора. – Какого еще мочегонного? Это дорогой чай!

– Нужно определить – входит оно в состав самого чая или попало туда отдельно от него, – сказал Гуров.

– Уже определил, – ответил Миша, и покосившись в сторону секретарши, усмехнулся: – Ну, чаек сам по себе паршивенький, но безобидный. Травки там всякие, ароматизаторы, красители... Так что мочегонное просто подсыпали, точнее, подлили, потому что обычно оно производится в жидком виде.

– Так, а где его можно достать? – нахмурил брови Гуров.

– В любой аптеке в свободном доступе, – сообщил Миша. – Стоит копейки, действует несколько часов. Неудивительно, что она несколько раз бегала в туалет.

– Вы хотите сказать, меня хотели отравить? – с выражением ужаса на лице спросила Люда.

– Ну что вы! – усмехнулся эксперт. – Этим не отравишься. Просто, видимо, хотели, чтобы вы почаще отлучались со своего места. Но это уже пускай Лев Иванович расследует. А то я, пожалуй, настрою тут ложных версий! Ну что, Лев Иванович, я закончил.

– Спасибо, Миша, можешь ехать, – кивнул ему Гуров, и эксперт, подхватив свой чемоданчик, скрылся за дверью.

– Виктор Станиславович, а ваша сотрудница не отыскалась? – спросил Лев у Коньшева.

– Что? А, Надя... нет. Ума не приложу, куда они все запропалились! Ни ее, ни Красницкого! Я только что звонил ему...

– Не нужно! Не звоните ему. Красницкий нашелся.

– Где? – воскликнул Виктор Станиславович.

– В собственном автомобиле. Но не в том смысле, в каком вы думаете, – добавил Гуров, увидев вспыхнувшую в глазах Коньшева радость. – Красницкий убит.

Коньшев зачем-то потянулся к очкам и снял их, заморгав ресницами, словно ему что-то мешало. Гольдман оторвался от своего чтива и смотрел на Гурова, низко опустив длинную челюсть. Секретарша Люда вдруг стала оседать на пол и при этом тихо смеялась. Коньшев бросил на нее ошарашенный взгляд, а Лев, поняв, что это истерика, шагнул вперед, рывком приподнял ее с пола и резко встряхнул. Люда издала захлебывающийся звук и умолкла, растерянно глядя на полковника.

– Не время для истерик, – мягко, но уверенным тоном произнес Гуров. – Да, события неприятные, но их следует принять как данность. Итак, подводя итог, скажу, что картина вырисовывается следующая: в вашей конторе похищены деньги из сейфа, после чего сразу исчезают двое сотрудников. Один из них найден задушенным в собственной машине, второй – точнее, вторая – до сих пор не обнаружена. Вот так обстоит дело на первый взгляд... Виктор Станиславович, мне нужен домашний адрес и все остальные данные на вашу Надю.

Коньшев, у которого в голове словно переваривалась какая-то вязкая каша, действовал на автопилоте. Он отдал распоряжение Люде найти данные на их сотрудницу, и та вскоре подала Гурову отпечатанный листок. В нем было написано: «Круглова Надежда Павловна, восемьдесят седьмого года рождения, агент по недвижимости», далее следовал адрес девушки, которая была зарегистрирована по адресу на улице академика Янгеля.

Положив листок в карман, Гуров попрощался со всеми, сообщив, что будет заведено два дела – по факту убийства и по факту кражи, которыми ему и предстоит заниматься.

Позвонив по дороге в управление, он распорядился отправить на адрес Надежды Кругловой парочку сотрудников с приказанием доставить ее в главк, если она дома, а если нет – дожидаться появления девушки.

Прибыв в управление, Лев прямиком направился в кабинет генерал-лейтенанта Орлова. Петр Николаевич слушал четкий, последовательный доклад Гурова, и брови его хмурились все сильнее и сильнее.

– То есть ему действительно пытались навредить, – резюмировал он, когда Гуров умолк. – Причем навредили гораздо сильнее, чем предполагалось вначале. Кража и убийство – это уже не просто сорванные сделки, а?

– Вот только непонятно, как это увязывается с сорванными сделками, – задумчиво заметил Лев. – Если его изначально планировали ограбить, то к чему было устраивать эти спектакли? Ведь на этих сделках Коньшев потерял деньги!

– А что, если собственные сотрудники – а получается, что, кроме них, ограбить его никто не мог, – сами и перехватили этих клиентов? – высказал предположение Орлов.

– Такое вполне допустимо, – кивнул Гуров. – Первая версия, которая у меня возникла – это кто-то из своих. И когда исчез Красницкий, я подумал, что это его рук дело. Но Красницкий убит. Остальные на месте, за исключением Нади Кругловой. И если она виновница кражи, я очень сильно сомневаюсь, что она обнаружится дома.

Однако оказалось, что тут Гуров ошибся. Не прошло и часа, как в кабинет Орлова поступил один из оперативников, посланных по адресу Кругловой, и сообщил, что девушка доставлена в управление. Правда, она постоянно твердит, что не понимает, в чем дело.

– Ведите ее сюда! – распорядился Орлов, а Гуров достал сотовый телефон, набрал номер Коньшева и сказал:

– Виктор Станиславович, приезжайте в главк сейчас же. Тут ваша Надя обнаружилась, требуется ваша помощь...

Девушка, вошедшая в кабинет, была растеряна, но не выглядела слишком напуганной. Она стояла посреди кабинета генерал-лейтенанта и переводила взгляд с него на Гурова. В руках она держала мягкую замшевую шляпку с короткими полями.

– Вы – Круглова Надежда Павловна? – спросил Гуров.

Девушка кивнула.

– Присаживайтесь. – Он показал на свободный стул, и девушка осторожно присела на краешек. – Куда вы направились сегодня из конторы и во сколько?

– Простите, я не понимаю, о чем речь, – произнесла она высоким soprano. – Из какой конторы?

– Вы работаете в риелторской конторе «Зодчество», возглавляемой Виктором Станиславовичем Коньшевым? – уточнил Гуров.

– Вы что-то путаете, – покачала головой Надя. – Я никогда не работала в риелторской конторе. Я скрипачка. – Она машинально повела рукой, как бы имитируя движение смычка по струнам.

Гуров и Орлов переглянулись, и генерал попросил:

– Покажите ваш паспорт, пожалуйста.

Девушка достала из сумочки документ в красной обложке и протянула его. Орлов раскрыл паспорт и всмотрелся в фотографию, переводя взгляд на девушку и сравнивая изображение с оригиналом, потом протянул его Гурову.

Открылась дверь, и дежурный сообщил, что прибыл Коньшев. Орлов кивнул, разрешая впустить, и Виктор Станиславович чуть ли не бегом вбежал в кабинет. На сидевшую на стуле девушку он не обратил никакого внимания, а сразу же обратился к генералу:

– Ну что, нашли? Что она говорит?

– Можете спросить сами, – усмехнувшись, кивнул Гуров в сторону скрипачки.

Коньшев поправил очки и с недоумением уставился на девушку.

– Но это... Это не Надя! – воскликнул он. – Я никогда раньше не видел эту девушку.

– Скажите, Виктор Станиславович, – вздохнул Гуров, – а как вы вообще принимали Надежду Круглову на работу?

– Ну, она пришла по объявлению – я в нескольких газетах и в Интернете разместил вакансию. У нас как раз уволился предыдущий агент. Сказала, что с опытом работы, и вообще... произвела благоприятное впечатление.

– Вы лично с ней беседовали? – уточнил Лев.

– Нет... Помнится, я тогда был занят и поручил ее Красницкому, – ответил Коньшев, и лицо его начало покрываться пятнами.

Повисла пауза. Сидевшая на стуле Надя Круглова кашлянула.

– Простите, просто уже много времени, а у меня вечером концерт. Может быть, я могу быть свободна, раз все разъяснилось?

– Ну, пока еще не разъяснилось! – ворчливо сказал Орлов. – Почему некая девушка устраивается в фирму под вашим именем?

Скрипачка развела руками, давая понять, что не знает ответа на этот вопрос.

– Виктор Станиславович, у вас есть фото вашей сотрудницы? – обратился генерал к Коньшеву.

– Нет, – виновато ответил он и торопливо добавил: – То есть фото постоянных сотрудников, разумеется, имеются в деле. Но агенты... Они постоянно меняются. Я даже не всегда успеваю оформить их по ТК. Да они и не всегда настаивают, многие воспринимают работу в конторе как временную. Согласен, что они, как нижнее звено, зарабатывают не так уж много. Может быть, у кого-то остались любительские снимки? У нас недавно корпоратив был, Люда фотографировала, я могу спросить.

– Спросите, – отрезал Гуров и обратился к скрипачке: – А вы не теряли паспорт?

– Ой, полтора года назад то ли потеряла, то ли украли в поезде... Я потом его восстановлила.

– А как же вы, Виктор Станиславович, не заметили, что на фото в паспорте изображена другая девушка? – укоризненно посмотрел на спонсора Орлов.

– Да я, собственно... – Коньшев весь покрывался пунцовыми пятнами. – Я его даже не смотрел. Я думал, что все проверит Красницкий... Но он, видимо, как только увидел симпатичную девушку, забыл обо всем остальном. Знаете, о покойниках, конечно, не говорят плохо, но Алексей Владимирович страдал... Словом, он был очень большим охотником до женских юбок! И хотя Надя носила брюки, он... словом, вы понимаете, что я хочу сказать.

– Понимаю, – невесело усмехнулся Орлов. – А понимаете ли вы, что найти эту вашу Надю, которая на самом деле никакая не Надя, в Москве просто нереально?

– Я все понял, – заморгал глазами Коньшев. – Я попался на удочку мошенницы! Она похитила мои деньги и скрылась. А Красницкий узнал об этом, и... И был убит ее сообщником!

– Каким еще сообщником! – раздраженно махнул рукой Гуров. – Виктор Станиславович, вы уж, пожалуйста, хотя бы не мешайте вести расследование и предоставьте нам выдвигать версии.

– Так я могу идти? – робко подала голос Надя.

– Да, идите, – ответил Гуров, подписывая пропуск. – Только будьте готовы к тому, что вас могут вызвать в ближайшее время – нужно просто записать ваши показания. Извините за беспокойство.

Девушка кивнула и поспешно вышла из кабинета. Разговоры о кражах и убийствах ей были явно неприятны. Мужчины остались втроем. Конышев ерзал на стуле и вздыхал, на лбу у него выступили капельки пота.

– Скажите, деньги реально найти? – с надеждой обратился он к Орлову.

Тот промолчал.

– Красницкий мог воспользоваться вашими ключами? Хотя бы ненадолго? – спросил Гуров.

– Вряд ли, – покачал головой Конышев. – Ведь они постоянно при мне!

– Что, никогда не оставляете свою огромную связку на столе? Даже в туалет с ней ходите? – с иронией проговорил Лев.

– Но это считанные минуты! А что вы хотите сказать?

– А то, что, скорее всего, вас ограбили Красницкий в сговоре с Надей Кругловой, то есть с мнимой Надей. Он сделал слепок с ваших ключей, а она проникла в кабинет в ваше отсутствие. Потом, по всей видимости, они встретились, деньги были у Надежды. Что между ними возникло, теперь неизвестно – скорее всего, спор по поводу того, как делить деньги. И Надежда убила Красницкого.

– Женщина? – недоверчиво спросил Конышев.

– Женщины порой бывают такие! – заметил Орлов. – Если она профессиональная мошенница, то могла и раньше совершать убийства. Мы же ничего о ней не знаем! Кто она, откуда... Может быть, это вообще работа банды, а Надя – член банды, под видом агента устроившаяся в вашу контору. Красницкий – всего лишь козел отпущения. Ему могли просто запудрить мозги, пообещав хороший процент. То есть он был нужен только для того, чтобы сделать ключ. Он думал, что Надя исчезнет, все подумают на нее, и никто не свяжет это преступление с ним. А сам вон как попал в оборот!

Конышев сидел молча, переваривая все услышанное. Видимо, этого было слишком много для одного дня, потому что он как-то на глазах начал бледнеть и никнуть.

– Ну что же, Виктор Станиславович, сегодня можете отправляться домой, – сказал Гуров. – Если появятся какие-то новости – я вам позвоню.

Конышев медленно кивнул, поднялся и пошел к двери неровной походкой, будто был слегка навеселе. Взявшись за ручку двери, он обернулся и сказал:

– То есть денег вы не найдете...

Гуров и Орлов ничего не ответили, и Конышев, тяжело вздохнув, вышел из кабинета.

Глава четвертая

Зажигалка не находила себе места. Ей казалось, что время движется слишком медленно, и девушка постоянно поглядывала на часы. Скоро должна была состояться встреча, которую можно было считать чуть ли не судьбоносной. Во всяком случае, от нее зависело решение всех ее проблем и будущая жизнь. Зажигалка сделала свое дело и теперь рассчитывала получить заслуженные дивиденды. А потом... Потом нужно непременно сообщить радостную новость Толику. Обязательно! Он ведь даже не знает, что его ждет избавление от болезни! Избавление и новая жизнь!

Не утерпев, она набрала номер Толика. Голос его звучал прерывисто, и она догадалась, что наступило состояние, в котором ему хуже всего. Сердце сразу заныло от жалости – так было всегда, когда Зажигалка видела, как мучается Толик, и ничем не могла ему помочь. Но сейчас может!

– Толик, дорогой, у меня для тебя отличные новости!

Неопределенное хмыканье наглядно показало ей, что Толик скептически отнесся к ее словам.

– Честное слово, – продолжала Зажигалка. – Давай с тобой встретимся сегодня, и я все расскажу. Тебе станет лучше, потому что у меня есть то, что тебе нужно! Точнее, будет, но это неважно!

– А где встретимся? – после паузы спросил Толик.

– Просто приезжай ко мне. Я одна...

– А когда?

– Пока еще сама не знаю, – замялась Зажигалка. – Я позвоню тебе и скажу. Это будет уже совсем скоро!

– Ну... Ладно, я жду. Давай звони, а то мне совсем край тут!

– Позвоню, позвоню. Держись там!

Едва она разъединила связь, как телефон запиликал, возвещая о входящем вызове. Увидев номер, Зажигалка тут же ответила.

– Привет, ждешь? – Оппонент разговаривал кратко, но голос его звучал весело.

– Разумеется, и очень. И Толик тоже.

– Он что, у тебя?

– Нет, но должен подъехать.

– Ты что, все ему рассказала? – воскликнула трубка.

– Ну, конечно же, нет! Только успокоила, что теперь у нас все будет хорошо.

– Про меня не говорила?

– Я совсем, что ли?

В трубке, казалось, о чем-то размышляли. Зажигалке было невмоготу ждать, и она спросила:

– Так когда ты будешь?

– Скоро! – бросила трубка.

– А у тебя... все с собой?

– Разумеется. Я же честная девушка. Так что жди, сейчас подъеду. Да! И никому больше не звони и вообще ни с кем не разговаривай до моего приезда. Так надо, поняла?

– Ну... Хорошо, – согласилась Зажигалка и пошла на кухню покурить.

Вскоре раздался мелодичный звонок домофона, а затем и в дверь. Зажигалка открыла, и лицо ее приняло недоуменное выражение.

– Не узнала? – улынулся гость.

– О Господи! – воскликнула Зажигалка и вздохнула. – Я уж испугалась... Проходи давай!

– Привет, дорогая!

Щелкнул замок, и входная дверь закрылась...

– Сыночек, ну как же так – не заводить дело? – настойчиво продолжала тетка. – Ведь серьезный случай!

– Да нет никакого случая! – твердил Станислав Крячко, стараясь скрыть досаду и раздражение.

Он все утро никак не мог отделаться от назойливой тетки, которую ему услужливо подвинули дежурные. Причем преподнесли это так, будто совершают великое благо для Крячко. Когда утром в дежурку обратилась бабка с сообщением, что у нее пропала квартирантка, дежурный, которому нужно сдавать смену и, соответственно, было не до принятия заявлений, попытался было перекинуть ее на сменщика, сказав, что официально заканчивает рабочий день и просто не успеет оформить заявление. Сменщику же, понятное дело, тоже не хотелось загружаться лишней работой, и он заявил, что до начала его рабочего дня официально еще пятнадцать минут, а после принятия смены он будет долгое время занят другими делами. Бабка же была настроена решительно и ждать явно не собиралась.

Перемигнувшись, оба дежурных хором сообщили ей, что делами по исчезновению людей занимается полковник Крячко – оба видели, как тот минуты две назад прошествовал по лестнице в свой кабинет. Ударив по рукам, они с чистой совестью отправили бабку к Крячко, доверительно шепнув ему, что придумали, как избавить полковника от рутинной работы, которую взвалил на него генерал-лейтенант Орлов.

И вот теперь бабка сидела и ныла о том, какая ее квартирантка была молодая да хорошая и как ей странно и даже страшно, что та пропала.

– Бабуль, да сменила она адрес просто, сме-ни-ла! – устало увещевал бабку Крячко. – Новую квартиру нашла!

– Да как такое может быть? – не верила та. – Сменила без предупреждения? Да и зачем? Ей и у меня хорошо было!

– Ну, может, дешевле нашла! – раздраженно отозвался Крячко.

В другой раз он, может быть, и выслушал бы бабку до конца и даже принял у нее заявление, но сейчас ему не терпелось поговорить с Гуровым насчет того, как прошла его беседа с клавишником из рок-клуба и полученными сведениями по конторе Конышева. Гурова вчера он так и не дождался, а сегодня утром Льва почему-то тоже не было на месте, хотя Крячко, вытягивая шею и выглядывая в окно, видел, что автомобиль его уже припаркован у дверей управления. Рассиживать в буфете с утра Гуров не имел привычки, следовательно, скорее всего, находился в кабинете Орлова. И Крячко хотелось самому туда попасть, чтобы, во-первых, отчитаться перед Гуровым, а во-вторых, дать понять Орлову, что он занимается серьезным делом, и пора снять с него всю печатную чепуху.

В конце концов, ему удалось выпроводить бабку в коридор, сказав ей, что, если квартирантка не появится в течение следующих трех дней, пускай приходит снова. Но не к нему, а лучше сразу к генерал-лейтенанту Орлову. Вот тот обязательно выслушает и даже примет заявление. А пока нет достаточных оснований для заведения дела. Бабка осталась не слишком довольной таким поворотом, однако все-таки вышла из кабинета, подгоняемая потоком мощного торса Крячко, который куда-то срочно заспешил. Оставив ее в коридоре, он направился к дверям кабинета Петра Николаевича Орлова...

– С чего думаешь начинать? – задал Орлов Гурову вопрос, который задавал практически всегда в начале расследования дела, обещавшего быть крупным.

– Продолжать искать выход на эту мифическую Надю, – неопределенно повел плечами Лев. – Проверять окружение Красницкого – может быть, они давно знакомы.

– Можно разместить ее фото, – добавил Орлов.

– А смысл? – возразил Гуров. – Она наверняка гримировалась!

– Тоже верно, – вздохнул Орлов. – Тогда, может, поднять то дело о краже сумочки у настоящей Кругловой? Вдруг там что-то обнаружилось?

– С делом я ознакомлюсь, хотя не возлагаю на это надежд. Нет надежды найти Надежду, – скаламбурил Лев и невесело усмехнулся.

Они беседовали уже минут двадцать, прихлебывая чай, приготовленный бессменной секретаршей Орлова Верочкой. И Гуров, и Орлов приехали сегодня в управление пораньше, чтобы спокойно обсудить дело Конышева, принявшее такой крутой и неожиданный оборот. Со Станиславом Крячко Гуров еще не виделся, да и в свете новых событий беседы со всякими молодыми семьями и рок-музыкантами, отказавшимися от сделок, казались ему мышшиной возней. Но все же, будучи профессионалом, он знал, что в делах о крупных кражах, а тем более убийствах, нельзя не принимать в расчет мелочи, и намеревался побеседовать с Крячко сразу после окончания разговора с Орловым.

Однако Станислав опередил его. Из приемной послышался знакомый бодрый баритон, затем тоненький голосок Верочки и ее смех, к кабинету протопали тяжелые шаги, шелкнула ручка, и в дверях показался сам полковник Крячко. Он сразу же прошел к свободному креслу, по пути пожав руку Гурову и протягивая ее Орлову.

– Лева, а я тебя везде ищу! Доложить хочу о результатах расследования!

При этом Крячко следил за реакцией Орлова, которого, без сомнения, должно было заинтересовать, каким это расследованием для Гурова занялся его лучший друг. Орлов ни единым мускулом не выдал своих чувств, решив выслушать обоих полковников.

– А что это ты такой взмыленный? Никак убежал от кого-то? – спросил Гуров, оглядывая Крячко ироничным взглядом. – Или ко мне так торопился, что даже шнурки развязались?

Крячко посмотрел на свои ботинки. Шнурки и правда болтались, грозя вот-вот повиснуть совсем. У Станислава вообще были проблемы по части внешнего вида, и никто, включая его самого, не мог понять, в чем тут причина. Если Гуров даже в самом простом и обычном одеянии всегда выглядел с иголочки, не говоря уже о костюмах с белоснежными рубашками или форме, то Крячко, что на него ни надень, не выглядел ухоженным. Он органично смотрелся только в каких-то потрепанных куртках и растянутых свитерах. А уж если намечался какой-нибудь официальный праздник или другое торжественное мероприятие, на котором было необходимо присутствие сотрудников управления в форме, то Орлов загодя начинал переживать и мучительно соображал, как ему поступить с Крячко, который, с одной стороны, портил ему всю картину, с другой – был одним из лучших и заслуженных людей в отделе...

Стас быстро зашнуровал ботинки и смущенно ответил Гурову:

– Да это бабка меня чуть с ума не свела! Достала совсем! У нее квартирантка съехала, так она теперь хочет, чтобы я ее по всей Москве искал! Искал непонятно где какую-то Надю Круглову! Вы представляете, сколько в Москве Надь Кругловых?

Крячко вдруг осекся, увидев, с каким выражением на него смотрят Гуров и Орлов. Причем Гуров даже поднялся со стула и быстро спросил с озабоченным видом:

– Где она?

– Да откуда я знаю-то? – стушевался Станислав. – Я ее и не искал! Я даже заявление пока не принял – еще и трое суток не прошло.

– Бабка где? – чуть ли не закричал Гуров. – Ушла уже?

– Не знаю, – растерянно отозвался Крячко. – По лестнице спускалась...

Лев стремительно вышел из кабинета и чуть ли не бегом побежал вниз. Ничего не понимающий Крячко, чувствуя себя виноватым неизвестно в чем, на всякий случай потопал за ним.

Возле окошка дежурного стояла пожилая женщина, которая явно собиралась уходить, но напоследок изливала свои обиды.

– ...Совсем без понимания, – долетел до ушей Гурова ее голос. – А ведь пожилой уже!

У Гурова не было ни времени, ни желания пройтись по адресу Крячко с язвительными замечаниями – несомненно, последняя фраза женщины относилась к нему. Он торопливо подошел к женщине, взял ее за руку и сказал:

– Простите, это вы по поводу исчезновения Нади Кругловой? Пройдемте, пожалуйста, со мной!

Женщина удивилась, потом увидела стоявшего за Гуровым Крячко, который быстро сменил виноватый вид на деловой и небрежно бросил:

– Да, генерал-лейтенант вас прямо сейчас примет. Я договорился.

На лице женщины появилось уважение, она охотно пошла вслед за Гуровым, объясняя по дороге, что ошиблась в отношении Крячко, сочтя его несерьезным человеком.

В кабинете Орлова она, наконец, по порядку рассказала о том, что около двух месяцев назад пустила в свою квартиру девушку, представившуюся Надей Кругловой, что паспорт той был в порядке, а сама девушка произвела на нее благоприятное впечатление. Вежливая, обходительная, единственное – голос грубоватый, потому что курила много, а так – хорошая, работающая и, главное, – по части мужчин строгая. Никаких личностей мужского пола к ней не таскалось, и это радовало Зинаиду Васильевну больше всего.

– А вы откуда это знаете? – уточнил Гуров. – Вы что же, вместе жили?

– Да что вы! Кому охота с чужой теткой жить? У меня отдельная квартирка есть, вот ее и сдаю.

Далее Гуров зафиксировал, что Надежда Круглова исправно вносила деньги за квартиру, точно в назначенный день, что для этой цели Зинаида Васильевна раз в месяц приезжала к ней, и Надя каждый раз передавала оговоренную сумму без задержек. А на этот раз Зинаида Васильевна, приехав, обнаружила, что ее нет. На звонки Надя тоже не отвечала. Станным казалось еще и то, что она платила всегда за месяц вперед. Так что могла совершенно спокойно жить и дальше – до нового платежа было еще далеко. На вопрос, зачем же тогда Зинаида Васильевна приехала, Гуров получил ответ, что съехать Надя никуда не могла, потому что практически все свои вещи оставила нетронутыми. А в Москве у нее никого нет.

– Адрес давайте, – потребовал полковник, дослушав женщину до конца.

Квартира, которую она сдавала, располагалась в девятиэтажке на Бакунинской. Туда-то Гуров и отправился немедленно. Станислав Крячко решил составить ему компанию, чтобы, во-первых, по дороге рассказать все-таки о данных на фирму «Зодчество», а во-вторых, поскорее скрыться с глаз Орлова, пока тот не вздумал снять его с дела, к которому Станислав так удачно примазался.

Генерал-лейтенант и не думал отзывать Крячко. Дело Конышева теперь стояло у него костью поперек горла. Крупная кража, убийство – уже этого было достаточно, чтобы как можно скорее разобраться в этом деле. Посему Орлову нужны были лучшие сотрудники, то есть Гуров и Крячко, и держать последнего на составлении отчетности было верхом нецелесообразности.

– Значит, статейка действительно есть в Интернете, – привалившись к спинке сиденья, рассказывал Крячко. – В ней, правда, имя Конышева не упоминается, зато говорится о его конторе и сотрудниках. Да вот, можешь сам почитать. Это я скачал и распечатал. – И Крячко положил перед Гуровым распечатанный на принтере текст, занимавший полторы странички.

Гуров тут же прочитал его. В нем говорилось, что многие риелторские фирмы, которые ныне процветают и преуспевают, начинали свой бизнес в мутные девяностые годы, когда людей просто выбрасывали из своих квартир на улицу, а некоторых даже убивали. И что, к примеру, фирма «Зодчество» и ее сотрудники выросли как раз из такого криминального прошлого. Далее шли советы держать ухо остро, дабы не стать очередной жертвой беспредельщиков...

– Автор статьи – некто Batman, – заметил Гуров. – Хотя понятно, что это нам ничего не дает, поскольку всего лишь ник-нэйм. Меня волнует вот какой вопрос – это целенаправленная акция против Конышева и его фирмы, либо же просто клиенты увидели эту статью в Интернете и решили от греха подальше не связываться с ним?

– Не знаю, – хмыкнул Крячко. – Видно, этот вопрос нужно задать автору статьи.

– Или модераторам сайта, – заметил Гуров. – Беда только в том, что их непонятно, где искать.

– Вот чем плохи эти сайты – сроду концов не найдешь! – пожаловался Крячко. – Кто их создает, где эти люди – одному богу известно.

– Ну, докопаться все-таки можно, хотя занятие это нелегкое и кропотливое. Может быть, лучше зайти с другого конца? Кто такой Андрей Марычев? Ты искал его?

– Съездил я в эту конторку, «Твой дом», вчера вечером, – сообщил Крячко. – Но там закрыто, никого нет.

– Так что ты сидишь? Езжай сейчас. Как раз утро, кто-то должен быть на месте. Поговори.

– О чем?

– Ну, ты же у нас гений по части налаживания контакта с представителем любой социальной группы, – усмехнулся Гуров. – К рок-музыкантам вон сразу нужный подход нашел. Сориентируешься и там, на месте.

– М-да, – почесал голову Крячко, который догадывался, что наркотики в кармане директора риелторской конторы он вряд ли обнаружит и, вообще, поразмахивать там пистолетом не удастся.

А Гуров уже притормаживал на светофоре, выпуская своего друга из машины, так что Крячко ничего не оставалось, как направиться к ближайшей станции метро...

– Вот здесь остановите, – показала рукой Зинаида Васильевна, сидевшая сзади.

Гуров остановил машину возле девятиэтажного жилого дома, совершенно обычного, построенного где-то в восьмидесятых годах прошлого века. Выйдя из машины, он вслед за женщиной направился к подъезду номер три. Они поднялись на лифте в квартиру, и Зинаида Васильевна отперла дверь. На всякий случай держа наготове пистолет, Гуров прошел в помещение первым и сразу же понял, что там никого нет.

Однокомнатная квартирка была небольшой. Откровенной грязи и бардака в ней не наблюдалось, но Гурову она почему-то не показалась уютной. Он сделал Зинаиде Васильевне знак, что можно войти, и та, осмотревшись с порога, сразу же сказала, что Надя здесь так и не появлялась.

– Все как лежало в прошлый раз, как я была, так и лежит.

Гуров кивнул и, пройдя в комнату, приступил к осмотру. Он, конечно, и сам не знал, что полезного может здесь найти, тем не менее, осмотреть вещи исчезнувшей «Нади Кругловой» было необходимо.

Компьютера в комнате не было – соответственно, Надя им не пользовалась, и это несколько усложняло задачу по установлению ее истинной личности и нахождению. Сотового телефона Гуров тоже не обнаружил, но это его не насторожило – видимо, девушка взяла его с собой. Не было также никакой сумочки, значит Надя захватила ее, а из этого уже следовало, что она покидала квартиру по собственной воле. Лев практически не сомневался, что это она, мнимый агент по недвижимости, приложила руку к краже денег из сейфа Конышева, после чего благополучно исчезла. Но вот почему не взяла никаких вещей?

Он открыл шкаф-гардероб. Вещей в нем было совсем немного: парочка джинсов, свободного кроя пиджак и несколько джемперов. Постельное белье, по словам хозяйки, принадлежало ей самой.

В углу у стены стоял туалетный столик, а на нем – косметичка и флакончик духов. На флакончике была надпись «Christian Dior». Гуров взял его в руки и, приоткрыв, поднес к носу.

Духов было использовано совсем немного. Он положил флакон в пакетик и убрал в карман, после чего просмотрел косметичку, но в ней ничего особо примечательного не обнаружилось. Не слишком хорошо разбираясь в женской косметике, он решил прихватить и ее с собой.

Мягкий диван был накрыт пушистым покрывалом. Из мебели в комнате находился еще шкафчик для посуды со стеклянными дверцами, осматривать который Гуров счел излишним – по словам Зинаиды Васильевны, и шкаф, и его содержимое принадлежало ей, и Надя им, кажется, даже не пользовалась – не требовались ей вазочки и тарелки из сервизов.

Осмотр кухни тоже не дал особых результатов. Гуров с особой тщательностью приступил к проверке содержимого мусорного ведра – именно на него он возлагал основные надежды и радовался, что Зинаида Васильевна не выбросила мусор. Расстелив газету, он вывалил содержимое на нее и, надев перчатки, стал копаться.

Надежда Круглова питалась преимущественно полуфабрикатами и бутербродами, о чем свидетельствовали упаковки от готовых котлет и обертки колбасы и сыра. Помимо этого, в ведре валялась выброшенная сим-карта от мобильного телефона, которую Лев аккуратно достал пинцетом.

– Скажите, а фотографии вашей квартирантки у вас случайно нет? – спросил он, снимая перчатки.

– Нет, – ответила Зинаида Васильевна. – Да кому же в голову придет квартирантку фотографировать? А праздников мы с ней вместе не справляли – у нее своя жизнь, у меня своя. Да и разница в возрасте у нас большая. Правда, я ее жалела, с пониманием относилась – все-таки одна-одинешенька в большом городе. Помню, как сама приехала сюда сорок лет назад, ничего не знала, такая глупая была! Слава богу, быстро с хорошим парнем познакомилась, замуж вышла, тут и осталась. Муж-то умер два года как, я вот одна теперь. Сын взрослый, своей семьей живет, а я...

– Зинаида Васильевна, – оторвал Гуров женщину от ненужных ему сейчас воспоминаний. – А в паспорте у Надежды не значилась московская регистрация?

– Да, значилась, – кивнула та. – Но она сказала, что это ей за деньги сделали – ну, сами знаете, сейчас это запросто! А вот я, когда молодая была, пока меня в общежитие не прописали, то...

– Что она рассказывала о себе?

Зинаида Васильевна задумалась и рассказала, что девушка, назвавшаяся Надеждой Кругловой, по ее словам, приехала в Москву из Волгограда. По образованию она юрист, но работу по специальности не смогла найти, потому что опыта маловато и ее никуда не брали. Тогда она устроилась в риелторскую контору и сняла квартиру. Говорила, что родители у нее уже пожилые, волгоградского адреса не называла. Вообще о себе рассказывала мало, к тому же, они с Зинаидой Васильевной проводили вместе не так много времени.

Выслушав все это и взяв кое-что из вещей Надежды, показавшихся ему достойными внимания, Гуров вышел вместе с Зинаидой Васильевной, попросив ее пока ничего не трогать в квартире.

– А вам спасибо за бдительность, мы позвоним, когда будут новости, – сказал он на прощание и направился к своей машине.

Сев за руль, Лев набрал номер Крячко, надеясь, что тот уже управился в риелторской конторе «Твой дом». Крячко ответил, что картина там прежняя: дверь закрыта, внутри никого нет. Искать Андрея Марычева через адресный стол –дохлый номер.

– Понятно. Можешь возвращаться в управление, – сказал Гуров и тут же подумал, что по поводу таинственной риелторской конторы, занимающейся перебивкой клиентов, логичнее всего поговорить с человеком, который, что называется, ближе всех к теме – то бишь с Виктором Коньшевым. По крайней мере, узнать, говорит ли ему что-нибудь название «Твой дом». Да и вообще, прояснить ситуацию со статьей – сколько процентов в ней соответствует истине?

Что, если автор статьи не врет и что-то околкриминальное в прошлой риелторской деятельности Коньшева все-таки было? А теперь объявились люди, обиженные им в те времена, и просто мстят успешному директору фирмы?

Так или иначе, а прояснить этот вопрос следовало, и он набрал номер Коньшева, попросив о встрече. Вчера, за суетой, связанной с кражей и убийством, Лев не стал говорить на эту тему, к тому же, тогда он не обладал сведениями в полной мере – их ему сообщил Крячко только сегодня утром, да и то не досконально.

Виктор Станиславович от встречи не отказался – наоборот, был обрадован звонку и сказал, что готов видеть полковника хоть сейчас.

– Вы у себя в конторе? – уточнил Гуров, поскольку находился поблизости и за короткое время мог подъехать к Коньшеву.

– Нет, я еду домой, – сообщил Виктор Станиславович. – Совершенно не могу работать! Понимаете, все валится из рук, голова не соображает – все мысли вертятся вокруг этих чудовищных событий вчерашнего дня. Поэтому я решил, что толку от меня в конторе все равно нет, и поехал домой. К тому же, Лев Абрамович был настолько любезен, что взял на себя переговоры по двум сделкам. Там, слава богу, мое присутствие необязательно. Так что, если хотите, подъезжайте ко мне.

– Вы будете один?

– Ну, дома, скорее всего, только моя дочь. Она нам не помешает. Пишите адрес...

Через двадцать минут Гуров подъехал к двенадцатиэтажному дому из числа новостроек в Сокольниках. Практически сразу он заметил автомобиль Коньшева. Виктор Станиславович только что припарковал свой «Лексус» у одного из подъездов и теперь выходил из машины. Он пожал руку Гурову, и тот увидел в глазах Коньшева немой вопрос. Но не стал ничего говорить, так как пока не имел какой-либо определенной информации.

Они поднялись на лифте на шестой этаж, и Коньшев уже протянул руку с ключами к замку, чтобы отпереть его, как вдруг удивленно замер со словами:

– Странно, дверь не заперта...

Он толкнул дверь и прошел в квартиру, крикнув:

– Рита! Ты дома?

В квартире послышался какой-то шорох, доносившийся из гостиной. Коньшев направился туда, вошел и стал озираться по сторонам. Вдруг из угла комнаты в прихожую метнулась какая-то тень, чуть не сбившая его с ног.

Тень, оказавшаяся высокой, долговязой фигурой, мчалась прямо на Гурова и стремилась выскочить в незапертую дверь. Лев среагировал мгновенно: выставив вперед ногу, преградил путь бежавшему, и фигура рухнула в прихожей, длинными ногами задев тумбочку, с которой с грохотом повалились вещи.

Гуров быстро наклонился и нанес удар по шее лежавшего, чуть ниже затылка. Затем схватил его руку – в ней было что-то зажато, и сильно дернул ее. Лежавший взвыл, а Лев, увидев в его руке пачки денежных купюр, крикнул:

– Виктор Станиславович!

Коньшев уже спешил в прихожую, оправившись от первоначальной растерянности.

– Ничего себе! – воскликнул он. – Меня и дома пытались ограбить?! – И подскочил к человеку, руку которого Гуров продолжал держать вывернутой.

Тот голосил во весь голос, не стесняясь в выражениях. Коньшев заглянул ему в лицо, вдруг побледнел и, заикаясь, проговорил:

– Т-ты?.. Ты посмел заявиться в мой дом? Я же тебе русским языком сказал, чтобы ты сюда не приближался!

– Вы его знаете? – спросил Гуров.

– Знаю... – тяжело дыша, чуть ли не с ненавистью ответил Конышев. – Только лучше бы не знать. Это знакомый моей... – Он вдруг осекся и побледнел еще больше: – А где Рита?

На этот вопрос ответа не было, и Конышев побежал к двери, располагавшейся справа, – туда, где, видимо, находилась комната его дочери.

Гуров, тем временем достал наручники и пытался надеть их на пойманного парня. Из комнаты, в которой скрылся Конышев, донесся отчаянный крик, и Гуров, поняв, что там его поджидает еще один неприятный сюрприз, быстро приковал парня за руку к ручке входной двери, а сам бросился в комнату.

Конышев стоял на коленях перед широким диваном. На нем плашмя, глядя вытаращенными глазами в потолок, лежала девушка, прямые каштановые волосы которой разметались по подушке. Едва Гуров бросил на нее взгляд, как сразу понял, что девушка мертва, рука его автоматически потянулась к телефону...

– «Скорую», «Скорую» быстро! – вопил Конышев, легонько хлопая девушку по щекам, а Гуров уже шелкал кнопками, хотя понимал, что это бесполезно.

Тем не менее повинувшись выработанному правилу, он шагнул вперед и взял ее за руку. Пульса не было. Глаза у девушки словно грозились вылезти из орбит, язык высунулся наружу и завалился на сторону. Слипшаяся прядь волос попала в рот. На шее виднелись багровые кровоподтеки. Судя по всему, ее задушили...

Он внимательно осмотрелся. Ничего похожего на удавку не заметил и решил предоставить опергруппе заниматься поисками улик. Сейчас же на его попечении был Конышев, который, кажется, чуть не тронулся умом, а также неизвестный парень в прихожей. Судя по звукам, которые оттуда доносились, он отчаянно пытался освободиться, но это было просто нереально.

Гуров выпрямился, положил руку на плечо Конышева и тихо произнес:

– Сейчас приедет группа. Это ваша дочь?

Конышев поднял на него лицо, и Лев был изумлен тем, как оно изменилось. Цвет стал каким-то тускло-серым, нос словно заострился, а глаза стали больше. Виктор Станиславович, что называется, на глазах спал с лица.

– Да, это моя, моя дочь, – скороговоркой выговорил он, продолжая трясти девушку за плечи. – Рита... Рита! Господи, ну где же ваша «Скорая», почему она так долго едет? Они же могут не успеть!

Гуров попробовал взять его за руку и увести от тела дочери, но Конышев был словно невменяем. Он чуть ли не вцепился в спинку дивана, словно это была единственная нить, еще хоть как-то связывавшая его с дочерью, которую он боялся отпустить... Он так и простоял возле дивана, не слушая ничего и лишь повторяя: «Ну скорее же, скорее!»

Только когда послышались шаги из прихожей, когда в комнату вошел врач с чемоданчиком в руке и прошествовал к дивану, когда он оттянул веко девушки и коротко произнес «конец», Виктор Станиславович, кажется, понял, что сопротивляться неизбежному бесполезно.

Он как-то сразу поник, плечи его опустились, и он заковылял к двери, ухватившись по пути за косяк, чтобы не упасть. Гуров подошел к нему и поддержал за плечо. Конышев слабо кивнул.

– Лев Иванович, а это что у вас тут за кадр? – раздался из прихожей голос одного из оперативников.

Эта реплика словно напомнила о чем-то Конышеву, он вдруг переменялся в лице, в нем появилась злоба и ненависть, и он бросился в прихожую, вцепившись обеими руками в горло прикованного к двери «кадра».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.